Наталья
Тимошенко
Правда
или желание
Игры со смертью:
игра вторая

Игры со смертью

Наталья Тимошенко

Правда или желание

«Автор»

2021

Тимошенко Н. В.

Правда или желание / Н. В. Тимошенко — «Автор», 2021 — (Игры со смертью)

Если бы Яна Васильева знала, чем для нее обернется знакомство с популярным певцом, она бежала бы от него без оглядки. Но люди не могут предвидеть будущее, и теперь Яну преследует нечто сверхъестественное. Оно приходит по ночам, влезает через окно и тянет к ней свои черные страшные руки, оставляет на ее теле следы, видимые лишь через объектив фотоаппарата. Оно жаждет смерти Яны, в этом нет сомнения, ведь именно так погибла жена певца. Что может противопоставить первобытному злу обычная студентка-второкурсница? Ничего. Остается только попросить помощи у друзей и загадать желание, чтобы они успели ей помочь.

© Тимошенко Н. В., 2021
© Автор, 2021

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 17
Глава 3 25
Глава 4 34
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Наталья Тимошенко
Правда или желание

Пролог

В каждом подземелье есть свои мертвецы, и если в этом вдруг по какой-то случайности их еще нет, то очень скоро будут. Именно так думал Влад Скориков, пробираясь по узкому коридору-шкуродеру следом за лучшим другом Игорем. Потому что если они пройдут еще хоть километр, то уже наверняка не вернутся обратно. Или сорвутся в очередную пропасть, или попадут под камнепад, или просто свалятся без сил в каком-нибудь гроте.

Эта пещера и на пещеру-то была не похожа. Вход в нее находился в старом, почти разрушенном здании, напоминавшем заброшенную лабораторию из фильмов ужасов. Здание уже наполовину ушло в землю. Влад не смог найти в интернете никаких данных о нем: ни года постройки, ни владельца, ни того, что вообще там делали. Если бы не карта Игоря, они бы вообще не узнали о существовании этой пещеры. И, судя по ее виду, никто о ней до них и не знал. По крайней мере, последние лет пятьдесят точно.

Карту Игорю дал заказчик. Влад не знал его имени и сомневался, что знает Игорь. Между собой они его так и называли – «заказчик». Он вышел на Игоря около трех месяцев назад, предложил работу и большое вознаграждение. И самое главное – аванс. Игорь был заядлым, но не слишком удачливым игроком, имел большие долги, за которые его периодически избивали, а полгода назад отобрали машину, лишив тем самым и существенной доли заработка: по ночам Игорь подрабатывал в такси. У Влада же была больна младшая сестренка, на лечение которой требовалась баснословная сумма денег – два с половиной миллиона долларов. Именно столько стоил маленький флакончик, способный подарить крохе жизнь. Влад такую сумму не то что в глаза не видел, даже не представлял, что какое-то лекарство может столько стоить. Благотворительный сбор шел медленно, и деньги, полученные за выполнение работы, его не закроют, конечно, но существенно приблизят тот момент, когда сестренка сможет получить шанс на жизнь. В общем, и Игорь, и Влад от работы отказываться не стали, хоть и понимали, что легкой она не будет.

А просил их заказчик найти одну вещь. Холщовый мешочек, перевязанный алой лентой. Где находится этот мешочек, он не знал, но составил карту из двадцати одного потенциального места, которые следовало обыскать. И места эти были одно другого отдаленнее и опаснее. Влад и Игорь обошли – точнее сказать, облазили, потому что чаще всего приходилось именно пролезать – уже семь, но пока даже не приблизились к искомому. Влад переживал, что однажды они пройдут мимо этого мешочка, если уже не прошли, не заметив его, и тогда все усилия окажутся напрасными. Ему казалось, что Игорь думает о том же, но они ни разу об этом не заговорили, будто мысль, высказанная вслух, непременно станет реальностью, а пока каждый из них думает про себя, это всего лишь опасения.

Обоим пришлось уволиться с работы, потому что на поиски уходило все время. Нельзя было запланировать поездку на выходные, поскольку порой даже путь в один конец занимал больше времени, что уж говорить о том, что тогда поиски могут затянуться не на один год, а ни у Игоря, ни у сестренки Влада этих лет не было. Буквально позавчера они вернулись из очередной экспедиции, помылись, поспали и сразу же собрались в следующую. Чем больше мест они обследовали, тем больший азарт просыпался. Да и не было у них выхода, они обязаны найти этот мешочек.

До пещеры – уже третьей по счету – добрались вчера утром и сразу же, не раздумывая, нырнули в черное нутро. Точнее, сначала вошли в полуразрушенное здание, на всякий случай

обследовали и его, хотя на карте значилась лишь пещера, но глупо было не обойти его. Ведь, судя по тому, сколько мест обозначил им заказчик, он и сам наверняка не знал, где искать. Однако в трех комнатах и одном длинном, как кишка, коридоре, ничего, кроме мусора, не было.

В пещеру входили с энтузиазмом, хоть и с опасениями: она единственная из всех не значилась на общедоступных картах, ее не обследовали спелеологи, а значит, не было и схемы самой пещеры. Никто не знал, чего от нее ждать, а Игорь и Влад были не такими уж умелыми спелеологами. Несколько раз в пещеры спускались и раньше, но всегда в составе группы, где командовал кто-то другой. Однако выхода не было.

Пещера с самого начала продемонстрировала им недружелюбие: встретила узким темным коридором, уходящим вниз. Ноги скользили по гладким влажным камням, несколько раз оба падали и долго катились вниз, пока не удавалось задержаться за какой-нибудь выступ. Пришлось в итоге пользоваться крюками и тросами, хоть это сильно замедлило ход. Несколько раз с трудом пролезали через очередной шкуродер, которые с каждым разом становились все уже и уже. В каждом гроте, которых было удручающе мало, они останавливались на отдых, и Игорь тщательно зарисовывал схему пещеры. Но и это не спасло. Сегодня утром они внезапно осознали, что заблудились. Сначала молчали, каждый думал об этом про себя, как и о том, что мешочек они пропустили в одном из предыдущих мест, но потом пришлось признаться.

– Как так получилось? – рвал на себе волосы Влад. – Ведь ты же все записывал!

– Не знаю! – огрызался Игорь, не глядя на друга, а в очередной раз рассматривая свои схемы.

Влад замолкал, понимая, что Игорь действительно не виноват. Да и что толку теперь ругаться? Нужно думать, как выбираться. И чем больше Влад думал, тем яснее понимал, что им это не удастся. Пещера оказалась огромной, но какой-то одинаковой. Один грот не отличался от другого, коридоры походили друг на друга, как сиамские близнецы. Конечно, ребята оставляли метки, но ни разу их еще не встретили. Будто кто-то невидимый ходил следом и стирал. Совсем отчаявшись, Влад вернулся в коридор, из которого они только что вышли, чтобы проверить метку, и той действительно не было.

– Что за черт? – дрожащим от испуга и усталости голосом спросил он.

Игорь не ответил. Просто стоял и смотрел на то место на влажной стене, где две минуты назад лично нарисовал баллончиком метку.

– Либо у нас коллективная галлюцинация, либо мешочек где-то здесь, – наконец сказал он.

Влад настороженно посмотрел на друга.

– Почему ты так думаешь?

– Иначе как это объяснить? – Игорь кивнул на стену.

– А как это объяснить тем, что мешочек здесь? – не понял Влад.

Игорь потер лицо руками, собираясь с мыслями, а затем признался:

– Я не говорил тебе сразу, но тот человек… заказчик… Похоже, он колдун или что-то вроде этого. Какой-то маг.

Влад с подозрением покосился на друга. Игорь порой казался странноватым, верил в приметы, амулеты на удачу и прочую ерунду, но Влад считал, что это все издержки игровой зависимости. Такие люди часто верят в разнообразные приметы, которые якобы могут помочь им выиграть, но он не думал, что все зашло так далеко.

– Маг? – переспросил Влад.

– Да, – кивнул Игорь. – И то, чтобы мы ищем… это не деньги, не старинные сокровища. Это что-то магическое. И сейчас оно путает нас. Или, быть может, на него наложено какое-то заклятие, которое отваживает случайных путников.

И Влад внезапно понял, что на исходе второго дня в пещере готов поверить в это. Потому что как иначе объяснить исчезающие метки?

– Тогда, думаю, нам нужно не идти вперед, а тщательно обыскивать грот и коридор, – удивляясь собственной серьезности, сказал он. – Я уверен, их здесь не так много, как нам кажется, мы просто ходим по кругу, а значит, искомое где-то рядом.

Игорь согласился с его доводами, и ближайшие несколько часов они уже не шли слепо вперед, а обыскивали каждый уступ, каждое углубление в ледяных молчаливых скалах. И нашли! Влад нашел. В большом гроте с помощью веревки добрался до самого верха, ощупал стену, и рука провалилась в углубление. Его не было видно снизу, но когда налобный фонарик осветил черные камни с расстояния нескольких сантиметров, стало заметно. И там, в темной глубине, негнущиеся уже от усталости пальцы нащупали грубую ткань.

– Есть! – закричал Влад, теряя осторожность. – Есть, Игореха! Я нашел его!

Ответом ему стал грохот падающих камней в соседнем гроте, и Влад испуганно закрыл рот рукой. Нельзя в пещерах издавать громкие звуки, порой это приводит к таким серьезным камнепадам, что приходится искать другой путь к выходу. А Влад от радости совсем забыл об этом. Как бы не пришлось расплачиваться.

Когда он спустился, Игорь уже стоял внизу, нетерпеливо перепрыгивая с ноги на ногу.

– Покажи! – велел он.

Влад протянул ему темно-серый мешочек размером с ладонь, перевязанный ярко-алой, совсем не потерявшей красок, лентой.

– Это он! – восторженно прошептал Игорь, взвешивая мешочек в руке. Владу казалось, что тот был совсем невесомым, будто внутри и не лежало ничего.

– Заглянем? – предложил он.

– Нет, – Игорь с сожалением покачал головой. – Заказчик строго-настрого запретил это.

Влад не стал сопротивляться. Заглянуть, конечно, хотелось со страшной силой, но за те деньги, что скоро появятся на его счете, он может подавить любопытство.

Странное дело: как только они нашли мешочек, пещера перестала казаться такой бесконечной и одинаковой. Они с легкостью различали гроты, которых на самом деле оказалось всего два, не плутали больше в длинных коридорах. Даже шкуродеры будто стали шире, или же они похудели на несколько килограммов. И последнее казалось более вероятным, после таких-то блужданий! Пещера словно отпускала их.

В полуразрушенное здание лаборатории они вышли уже в одиннадцатом часу вечера, когда на землю спустилась темнота. Оба страшно устали, еле-еле переставляли ноги, поэтому до места, где оставили машину – а это добрых пять километров! – решили идти уже утром. Велика вероятность, что не дойдут, а ночевать лучше в каком-никаком помещении с крышей над головой.

Игорь развел небольшой костер, Влад вытащил из рюкзака оставшуюся еду, быстро перекусили и забрались в спальники. Даже и не разговаривали почти, каждый уже представлял, как потратит полученные деньги. Влад рисовал в собственных мыслях, как обрадуется мама, а тоненький голосок внутри, который ему удавалось подавлять вот уже сколько месяцев, с тех пор, как сестренке был выставлен диагноз и вся семья узнала баснословную сумму за лекарство, нашептывал, что небольшую часть заработанного можно припрятать и потратить на себя. Он так давно ничего себе не покупал! Хоть новые джинсы – и то радость. Ведь он тоже живой человек, и у него тоже есть потребности…

Влад не заметил, как провалился в сон. Настолько тяжелый, что ему никак не удавалось проснуться, хотя он слышал шорохи вокруг, а по закрытым глазам то и дело ударяли отблески света. Когда же ему наконец удалось разлепить веки, было уже светло. В нескольких метрах от него, за стенами здания, пели птицы, радуясь новому дню. Было еще очень рано, Игорь спал. По крайней мере, сначала Владу так показалось, но уже через пару минут он вдруг осознал, что

не слышит дыхания друга. Их спальные мешки были рядом, и, засыпая, Влад слышал каждый его вдох и выдох, а сейчас – тишина. Может быть, Игорь ушел? Забрал найденное и сбежал, чтобы отдать заказчику и получить всю сумму одному?

Рациональная часть мозга подсказывала Владу, что, если бы это было так, Игорь забрал бы как минимум свой спальный мешок, но страх остаться без заработанных денег ничего не слушал. Зачем Игорю тащить с собой лишние тяжести, шуршать собираемыми вещами, рискуя разбудить напарника? До машины всего пять километров, навигатор взял, мешочек спрятал – и вперед! А к тому времени, как Влад выберется без транспорта из этой глуши, где шанс встретить попутку смертельно мал, Игорь уже заберет деньги, рассчитается с долгами и смоется куда-нибудь за границу. С заказчиком общался он, у Влада никаких контактов нет, что он, в полицию пойдет?

Испуганный до смерти Влад вывернулся из спальника и подскочил на ноги, но тут же заметил, что Игорь никуда не ушел, сидит возле стены чуть в стороне от потухшего уже костра. Влад не успел облегченно выдохнуть, как понял, что что-то не так. И что именно не так, осознал раньше, чем смог сформулировать. Бросился к Игорю, упал перед ним на колени, понимая, что тот мертв. Глаза, полные ужаса, смотрят прямо перед собой, руки сжаты в кулаки и бессильно лежат вдоль тела. А на шее виднеются темные следы, будто кто-то задушил его чертовски длинными пальцами. Не отдавая отчета своим действиям, Влад бросился к рюкзаку Игоря, вытащил мешочек и сразу понял, что алую ленту недавно развязывали. Она теперь была завязана иначе.

Мешочек выпал из рук парня, а в голове бился только один вопрос: Игорь заглянул в мешочек или же нечто, спрятанное внутри, выбралось само?

Глава 1

Сидящая перед ним девушка была божественно красива. Настолько, что, встреть он ее в клубе, Саша, скорее всего, не решился бы подойти. А он, между прочим, комплексом неполноценности никогда не страдал! Смазливая внешность, хорошее чувство юмора и богатый папа вообще ни к каким комплексам не располагали, поэтому знакомился он легко, быстро и отказы встречал редко. А если и встречал, то подолгу не переживал, всегда находились желающие его утешить. Но к этой богине подступиться было страшно, и даже не столько из-за ее неземной красоты, сколько из-за какого-то пугающе отрешенного взгляда. Казалось, она смотрит на тебя, но в то же время видит что-то совсем другое. Не уставшего после недельного труда участкового инспектора, а неведомые миры и целые вселенные.

На самом деле Саша неоднократно видел ее на экране телевизора, пару раз доводилось и на сцене ночного клуба, но тогда он почему-то не обращал на нее внимания. Ну поет там кто-то и поет, певиц сейчас пруд пруди, и все на одно лицо и одни силиконовые губы. Теперь же, когда на ней вместо концертного платья был обычный домашний спортивный костюм, длинные белокурые волосы завязаны в растрепанный узел, а на лице ни грамма косметики, она поистине походила на богиню. И самое главное: на обманчиво доступную богиню. Протяни руку – и сможешь коснуться. И только едва заметные тени под глазами и нервно теребящие браслет на правом запястье пальцы левой руки портили картину и выдавали напряжение девушки. Она то и дело натягивала на ладони длинные рукава свитера, будто мерзла, хотя в квартире было жарко. Настолько, что Саша начинал переживать за свежесть форменной рубашки под мышками. Опозориться мокрыми пятнами перед этой богиней не хотелось даже ему, не страдающему от лишней скромности.

– Я не знаю, с чего начать, – наконец призналась девушка.

– Давайте начнем с начала, – предложил Саша, огромным усилием воли отгоняя неуместные мысли. – Виолетта сказала, что вам нужна помощь и дело каким-то образом касается вашего мужа, так?

– Так, – кивнула красавица, вдохнула поглубже и наконец сказала: – Мне кажется, он мне изменяет. – Сказала тихо, будто ей было неловко признаваться в этом постороннему человеку. – И я хочу знать наверняка, так это или нет, и если так, то насколько все серьезно. Понимаете, от этого ведь зависит не только мое семейное благополучие, но и вся карьера.

Саша кивнул. Это он на самом деле понимал. Алина Девятова, сидящая перед ним, была не просто певицей, а участницей дуэта «ДвАжды», довольно популярного не только в их городе, но и вообще в России. Кажется, в этом году дуэт даже претендовал на участие в международном конкурсе и лишь чуть-чуть уступил другой претендентке. Второй участник дуэта – Антон Девятов – приходился Алине мужем, и именно на их бесконечной любви строился имидж певцов. Они не раз признавались лучшей парой шоу-бизнеса по версиям разных СМИ, всячески демонстрировали любовь и полное взаимопонимание. Казалось, быть вместе им предначертано судьбой, ничто и никогда не сможет вбить между ними клин, настолько они понимают друг друга и дорожат своими отношениями. И если сейчас вдруг выяснится, что Антон вовсе не такой верный и любящий муж, как это преподносится фанатам, скандал будет дикий.

На самом деле, Саша не был поклонником дуэта, за личной жизнью участников не следил, а информацией его снабдила старшая сестра Виолетта, когда накануне они вместе обедали. Тогда же она попросила его о встретиться с Алиной для оказания помощи. Какой именно, Виолетта не уточнила, поэтому слова Алины стали для Саши сюрпризом.

– Понимаю, – сочувственно кивнул он. – Поэтому вы хотите знать наверняка, чтобы как-то подготовиться и обезопасить в том числе карьеру?

Алина облегченно выдохнула и улыбнулась. Ей пришлось по душе то, что Саша так быстро все понял и не стал задавать лишних вопросов. Она расслабленнее откинулась в кресле, перестала теребить несчастный браслет.

– Совершенно верно. Я ведь не сразу кинулась искать того, кто подтвердит или опровергнет мои опасения, несколько месяцев страдала сама, поэтому если вам кажется, что меня интересует лишь карьера, то это не так. Просто светить грязным бельем своей семьи перед чужим человеком мне не хотелось, сами понимаете. Но теперь, когда я отстрадала и все приняла, мне важно спасти карьеру.

– А вдруг вы ошибаетесь? – не удержался Саша. – И нет у вашего мужа никого на стороне, а вы только зря страдали.

Пшеничного цвета брови двинулись навстречу друг другу, полные губы упрямо сомкнулись.

– Я не ошибаюсь, – холодно заявила Алина, и Саша так и не понял, чем именно вызвал ее недовольство. Хотел поддержать, а получилось, скорее, наоборот. – Поверьте, если бы у меня были хоть какие-то сомнения, я бы не обратилась к вам.

– Так если у вас нет сомнений, чего же вы хотите? – не понял Саша. Сначала-то речь шла о том, чтобы подтвердить или опровергнуть наличие любовницы, а тут, оказывается, дева в наличии уже не сомневается.

– Я хочу знать, кто она, – пояснила Алина.

Саша едва сдержал закономерный вопрос «зачем?» Ясно же, чтобы вырвать сопернице патлы. Хотя вряд ли. Если Алина так печется о сохранении карьеры, то она скорее хочет решить все тайно и мирно, женская драка, которая наверняка попадет на первые полосы всех газет, ей едва ли нужна. Возможно, девушка просто хочет посмотреть, что же такого особенного есть в той, другой, что муж предпочел ее. Наверняка Алина прекрасно осознает собственную красоту и верит в талант и уникальность.

– Хорошо, – покорно согласился он. – Я вас понял. Расскажите мне подробнее о вашем муже, чтобы я мог придумать, от чего отталкиваться.

– Разве вы не будете просто следить за ним? – удивленно приподняла брови Алина.

– Я же не частный детектив, – развел руками Саша. – И днем у меня есть работа, а порой и ночью тоже. А вот следить круглые сутки за вашим мужем возможности нет. Так что мы пойдем другим путем.

Алина недоверчиво хмыкнула, но послушно принялась рассказывать о муже. Самым интересным Саше показался тот факт, что Алина – вторая жена Антона. Оказывается, пять лет назад он уже был женат, и у первой жены есть от него ребенок. Алина предупредила – да Саша и сам догадывался, – что этот факт тщательно скрывается от прессы и поклонников.

– А эта Анна не может быть той самой девушкой? – поинтересовался Саша, помечая в записной книжке смартфона имя и адрес первой жены Девятова.

– Нет, – уверенно заявила Алина. – Он к ней ездит раз в месяц, повидаться с сыном. Если, конечно, мы не на гастролях. И я всегда знаю об этих визитах, Антон мне рассказывает.

Саше аргументы показались слабоватыми. Мало ли что Антон рассказывает! Рассказывает, чтобы не волновалась, голову задурит, а сам ездит туда гораздо чаще. Пожалуй, проверку контактов Девятова стоит начать именно оттуда. Ему казалось, что девушка еще что-то скрывает, но допытываться не стал, напомнив себе, что в данном случае она предлагает ему работу и находятся они не у него в кабинете. Узнает в ходе расследования.

Договорившись с Алиной, что придет к ней с первыми результатами через три дня, Саша покинул дорого обставленную квартиру, в которой ему не предложили даже чаю. А ведь за плечами был тяжелый рабочий день, и от чая он бы точно не отказался.

Если бы кто-нибудь спросил Сашу Сатинова, зачем вообще он согласился играть в частного детектива, он соврал бы, что исключительно ради денег. Да, у него есть богатый папа, и

Саша не стесняется брать у него деньги, несмотря на свои солидные двадцать три года, но ведь есть вещи, на которые деньги у папы не возьмешь, а зарплаты участкового инспектора никогда в жизни не хватит. И оставалось бы надеяться, что у собеседника хватит такта не спрашивать, что это за вещи. Потому что на самом деле взять деньги у папы Саша мог на что угодно.

Правда же состояла в том, что в последнее время ему стало ужасно скучно на своей работе. Ему до смерти надоели бесконечные жалобщики, обходы неблагополучных квартир, семейные разборки и задушевные разговоры с домашними боксерами. Ему хотелось чего-то нового, интересного, захватывающего. Просьба молодой певицы проследить за гуляющим мужем на захватывающее дело походила мало, конечно, но это была возможность примерить на себя роль частного детектива и, кто знает, быть может, в будущем сменить профессию. А что? Он и так-то не собирался всю жизнь участковым работать.

* * *

Приглашение потусить этим вечером в клубе от Саши Сатинова пришло неожиданно. Яна вообще думала, что их роман плавно сливается. Встречались они уже далеко не каждый день, чаще переписывались в мессенджерах. Саша ссылался на занятость, да и Яна в последнее время целиком отдалась учебе. И тем не менее, от приглашения отказываться не стала. В нынешнее время стоит пользоваться каждым шансом развлечься, иначе кто его знает, когда выпадет следующий. Саша ей нравился, и Яна была рада провести с ним вечер, поэтому сразу после лекций отправилась в общагу, чтобы успеть привести себя в порядок. Соседки по комнате не было, та уже несколько недель в общежитии почти не появлялась, ночевала у своего парня, поэтому никто не командовал, что ей надеть и как накраситься. Яна не могла сказать, что ее так уж раздражают попытки Ольки навязать тот или иной образ, но без них она определенно чувствовала себя лучше.

Ровно в десять вечера в мессенджер пришло сообщение от Саши о том, что он ждет внизу, и Яна, бросив торопливый взгляд в зеркало и оставшись довольной увиденным, спустилась к нему. Возле входа, не сильно прячась, курили несколько студенток и, конечно, проводили Яну завистливыми взглядами, когда она скользнула в блестящий черный БМВ Сатинова.

– Между прочим, меня уже пытались перехватить, – заметил Саша, когда с приветственным поцелуем было покончено и он завел двигатель и начал медленно разворачиваться на неудобной парковке.

– Кто?

– А вот одна из тех красавиц, – он кивнул в сторону куривших студенток, которые – Яна уже не сомневалась – обсуждают ее наряд и прическу и искренне недоумевают, что богатый наследник Саша Сатинов нашел в этой второкурснице с бледной кожей и розовыми волосами. – Но я устоял и остался тебе верен, – продолжал Саша, – так что ты должна мне небольшую услугу.

– Какую? – весело поинтересовалась Яна. Она была уверена, что Саша никогда не станет донимать ее неприятными просьбами.

Не отрываясь от дороги, Саша вытащил из бардачка между сиденьями небольшой конверт и протянул Яне.

– Можешь спрятать в сумочку? А то мне сунуть некуда, не в кармане же носить.

Яна послушно взяла конверт, но в сумочку не спрятала. Покрутила в руках, мысленно прикидывая, что может лежать внутри. Конверт оказался тяжелым, явно там не любовное письмо. В небольшой борьбе любопытство победило почти сразу.

– А что там, можно посмотреть?

– Если обещаешь держать язык за зубами.

Яна, конечно, была согласна на все, поэтому торопливо открыла конверт и вытащила несколько небольших фотографий. Все они походили на стоп-кадры какой-то видеозаписи, скорее всего, с камеры наблюдения, поскольку на каждой был изображен один и тот же подъезд с разных ракурсов. И на всех снимках присутствовали мужчина и женщина. И если женщина Яне не была знакома, то мужчину она узнала сразу. Узнала, но не поверила глазам. Откуда это у Саши? И зачем ему?

– Это что, Антон Девятов? – спросила она, вглядываясь в снимки.

– Он самый, – кивнул Саша.

– Но… зачем это тебе?

– Его жена попросила установить, с кем он общается в свободное время. Вот я и устанавливаю. И тебя хочу привлечь в качестве помощницы, поскольку тебе доверяю.

– Погоди-погоди! – Яна положила фотографии себе на колени и прижала пальцы к вискам. – Мы об одних людях говорим? Дуэт «ДвАжды»? Алина Девятова попросила тебя проследить за Антоном Девятовым?

– Ага.

– Но… – Яна никак не могла поверить в подобное. – Они же такая пара!

– Какая? – хитро прищурился Саша.

– Ну… – Яна, пораженная увиденным и услышанным, никак не могла подобрать правильные слова. – Они же любят друг друга, всегда на одной волне, всегда вместе.

– Янка, ну что ты как маленькая! – рассмеялся Саша. – Самая обыкновенная они пара, со своими тайнами, недомолвками, ссорами и подозрениями. А все, что ты видишь, всего лишь пиар, ничего больше. И ради сохранения этого пиара Алине и нужно знать, не обманывает ли ее Антон, а если обманывает, то что-то с этим сделать, чтобы не нанести вреда своей репутации.

Яна шумно выдохнула и снова взяла в руки снимки. Рациональная часть в ней признавала правоту Сашиных слов: за закрытой дверью всегда хранят то, что не должны видеть посторонние люди. Но ей было всего девятнадцать, и хоть она всегда была девушкой умной, не подверженной розовым романтическим иллюзиям, а все равно порой хотелось верить в сказку. Пусть пока и чужую. Ведь чужие сказки дают надежду на то, что однажды в такой же окажешься и сама.

– И что ты узнал? – наконец спросила она.

– Да пока просто поснимал его контакты, – Саша замедлил ход и въехал на парковку возле презентабельного ночного клуба. – Большая часть фоток в телефоне, конечно, а вот эту даму никак не мог нормально снять, пришлось просить консьержа в ее подъезде сделать мне распечатки с видеокамеры. Не бесплатно, конечно. Сейчас покажу все фотографии Алине, чтобы она опознала, кого может, и буду работать дальше. И в этом мне тоже нужна твоя помощь.

– Какая?

– Тебе нужно будет отвлечь Антона. К примеру, прикинуться его фанаткой, попросить автограф и все такое. В общем, дать мне немного времени поболтать с Алиной наедине. Сможешь?

Сможет ли она? Да Яна что угодно отдаст ради такой возможности. Поболтать с Антоном Девятовым! Главное, в обморок от восторга не грохнуться. Яне пришлось напомнить себе, что она, между прочим, будущий следователь и в данном случае будет выполнять задание, так что и вести себя следует подобающим образом.

– А как мы пройдем за кулисы?

– Это предоставь мне, – легкомысленно махнул рукой Саша.

Он припарковал БМВ на свободном месте, помог выйти Яне, и в клуб они вошли не через главный вход, а сбоку. Саша кому-то позвонил, и их пропустили внутрь. Яна не первый раз ходила куда-то с Сашей, но обычно они все-таки заходили вместе со всеми, а теперь она почувствовала себя едва ли не вип-персоной. Думала, они сразу пойдут за кулисы, и даже мыс-

ленно строила монолог, как будет отвлекать Антона, но Саша провел ее в зал и предложил выбрать коктейль.

– Девятовы приедут ближе к часу, – пояснил он. – У них выступление с часу до двух. А пока мы просто отдыхаем, так что наслаждайся.

Но наслаждаться у Яны не получалось. Она все время возвращалась мыслями к тому, о чем разговаривать с Антоном, чтобы не показаться неадекватной фанаткой (Яне всегда было важно мнение людей о ней, особенно тех, кто был ей симпатичен, пусть даже и незнаком), но при этом дать Саше время поговорить с Алиной, показать фотографии. Саша поделился с ней тайной, попросил помощи, и разочаровать его она боялась еще сильнее, чем показаться неадекватной кумиру.

В клубе громко играла музыка, поэтому поговорить больше они не смогли. Пришлось бы кричать, а кто-нибудь наверняка подслушал бы, ни о какой социальной дистанции речи здесь, конечно, не шло, поэтому Яне все-таки пришлось отвлечься. К часу ночи, когда дуэт «ДвАжды» появился на сцене, Яна и Саша успели выпить несколько коктейлей – Саше, правда, пришлось довольствоваться безалкогольными – и потанцевать.

Когда на сцене появились Алина и Антон Девятовы, Яна пыталась смотреть на них через призму сказанного Сашей, но ничего не выходило. Либо он ошибается, либо они действительно талантливые актеры, до того гармонично смотрятся вместе. Черт побери, они даже внешне похожи! Антон, конечно, выше и массивнее, но сходство все равно есть: оба светловолосые, загоревшие, зеленоглазые. И что Яне всегда в них нравилось: несмотря на транслируемую нежность друг к другу, они вовсе не походили на фарфоровые статуэтки из позапрошлого века. У Антона было много татуировок, у Алины – пирсинг в носу, они носили современную одежду, большое количество украшений и, конечно, пользовались разнообразными гаджетами. Но при этом смотрели друг на друга такими влюбленными глазами, что невольно хотелось верить в текст их песен и знать, что существует в мире такая крепкая, нерушимая любовь, способная навечно связать двух человек.

Выступление длилось почти час и, как всегда, закончилось бурными аплодисментами. Девятовы были любимцами публики, та никогда их не отпускала без пары песен на бис. Яне прошлым летом довелось побывать на их концерте на побережье, стояла она недалеко от края сцены и слышала, как нервничал исполнитель, который выступал после них. Его выступление задерживалось, и он бурно обсуждал с кем-то по телефону, что может опоздать на поезд.

– Пора.

Саша тронул ее за руку, привлекая внимание. Яна быстро вытащила из сумочки конверт, протянула ему, и они вместе направились в сторону неприметной двери, за которой скрылись певцы. Дорогу им попытался преградить шкафоподобного вида охранник в черной маске, рядом с которым хрупкая Яна и невысокий Саша казались по меньшей мере школьниками, но Саша что-то быстро сказал ему, и тот отступил в сторону. А лицо так и осталось недовольным, будто он, конечно, подвинулся, но только в виде исключения и будет следить за этими двумя зорко. Яна выдохнула с облегчением, когда за их спинами закрылась дверь и неприятный охранник остался по ту сторону.

За дверью она ждала увидеть коридор, но оказались они в просторной, хоть и полутемной комнате. Здесь находились не только Девятовы, но и еще две какие-то женщины. Яне потребовалось все ее самообладание, чтобы не застыть от восторга, а смело направиться к Антону, краем глаза замечая, как Алина увлекает куда-то Сашу.

– Антон, здравствуйте! – умирая от страха, сказала Яна. – Вы так чудесно выступили сегодня!

Девятов удивленно посмотрел на нее, а затем быстро огляделся, наверное, убеждаясь, что она не сумасшедшая фанатка, прорвавшаяся за кулисы, за которой уже гонится охранник. Яна поняла, что нужно срочно что-то добавлять, пока охрану не вызвал он сам.

– Я пишу статью о вас для нашей студенческой газеты, – выдала она первое, что пришло в голову, – и мне любезно разрешили с вами побеседовать. Если, конечно, вы не против. – Она попыталась изобразить самую обаятельную из всех имеющихся в арсенале улыбок.

Похоже, ей это удалось. Антон улыбнулся в ответ уже гораздо более открыто, даже, как показалось Яне, чуть лукаво. Чтобы закрепить маленькую победу, она добавила:

– И обещаю не спрашивать, откуда вы черпаете вдохновение для написания своих песен.

Теперь певец уже весело рассмеялся.

– И что же в таком случае хочет узнать такая прелестная юная девушка?

Яна скромно потупила глазки, как когда-то учила ее соседка Олька.

– Расскажите, как вам удается уже столько лет любить одну девушку, жить с ней в мире и согласии, не заглядываясь ни на кого другого?

На самом деле, этот вопрос был ничуть не лучше вопроса о вдохновении. Его задавали Девятовым практически на каждом интервью, но уж очень Яне хотелось посмотреть на лицо Антона, когда он будет отвечать. Однако тот и бровью не повел.

– Потому что моя жена – самая лучшая, это же очевидно. Но, – он сделал многозначительную паузу, – это не значит, что я не заглядываюсь ни на кого другого. Тот факт, что я женат и люблю свою жену, не мешает мне по достоинству оценить красоту других девушек.

– В самом деле? – округлила глаза Яна.

– Конечно, я ведь не слепой.

– А я всегда думала, что любовь делает человека слепым.

– Исключительно по отношению к недостаткам объекта обожания.

Яна задала еще несколько вопросов, которые мало походили на интервью для студенческой газеты, но на которые Антон с удовольствием отвечал, продолжая флиртовать с ней, а ей только это и было нужно. Нет, вовсе не комплименты, хотя и они были приятны, что уж тут лукавить. Ей было нужно, чтобы он вдруг не засобирался уходить, ведь Саша с Алиной все никак не возвращались.

– А можно с вами сфотографироваться? – наконец решилась Яна, достаточно осмелев, чтобы воспользоваться ситуацией на полную катушку.

– Для вас – что угодно!

Она вытащила телефон и включила фронтальную камеру, а Девятов обнял ее за плечи. Сделав несколько снимков, Яна опустила мобильный, но Антон продолжал ее обнимать.

– Знаете, мне так хочется вам что-нибудь подарить на память об этой встрече, – проникновенно прошептал он ей на ухо.

– Полагаю, вы жаждете довести меня до восторженного обморока? – рассмеялась Яна, пытаясь ненавязчиво выпутаться из объятий. Две неизвестные женщины куда-то испарились, и ждать помощи было неоткуда. – Поверьте, это вовсе не отказ.

Девятов огляделся, должно быть, ища взглядом свои вещи, но затем просто расстегнул один из многочисленных браслетов, украшавших его запястья, и протянул ей. Не отдал, а продолжал держать на весу, пока Яна не подняла к нему свою руку и он не застегнул браслет сам, скользнув кончиками пальцев по ее тонкому запястью. В этот момент вернулись в комнату Саша и Алина, и Антон, увидев их, наконец отпустил Яну, сделал полшага назад и улыбнулся ей.

– Приятно видеть среди поклонников своего творчества таких очаровательных девушек, – церемонно добавил он. – Удачи вам со статьей.

– Спасибо! – сказала Яна, стараясь скрыть облегчение в голосе. – И за интервью, и за подарок.

Сашино задание она выполнила, фотографию со звездой заимела, но убраться отсюда все равно хотелось побыстрее.

* * *

Алина рассматривала фотографии так долго, что Саша начал нервничать. Ну сколько можно пялиться в экран смартфона? Такое ощущение, что она не запечатленных девушек узнает, а пытается угадать, кто из них спит с ее мужем! Если вообще кто-то спит. А то, может, дамочка себе напридумывала всякого. Саша бросил несколько взглядов в ту сторону, где остались Яна и Антон. Он не сомневался в Яне, знал, что она сделает все возможное, но вдруг Антон не купится и решит посмотреть, куда запропастилась его жена?

Идеальным вариантом было бы встретиться, например, завтра, когда Антон снова куда-то уедет по делам, но завтра с самого утра дуэт отправляется на гастроли, вернется только через неделю, а у Саши было собрано уже достаточно информации, чтобы начать работать дальше. За неделю он многое сможет узнать, жалко терять столько времени.

– Это Марина, – наконец сказала Алина, указывая на фотографию, где Антон пил кофе в компании некрасивой блондинки лет сорока, – она занимается нашими соцсетями, они должны были обсуждать контент-план на следующий месяц. Это Анна, его первая жена, – Алина ткнула пальцем в другую фотографию, где в машине Антона сидела худющая, как скелет, блондинка. – Это, – на этот раз были опознаны снимки с камеры наблюдения, – Света, сестра Анны. Она порой присматривает за Семеном, сыном Анны и Антона. Фотографии сделаны в подъезде Анны, возможно, Антон где-то по дороге подобрал ее.

Алина продолжала рассказывать обо всех девушках, с которыми Саша смог сфотографировать Антона, а он мысленно помечал, кого и как следует проверить в первую очередь. Неузнанной осталась только одна девушка лет двадцати пяти, с которой Антон разговаривал в парке. На ней был спортивный костюм и кроссовки для бега, а значит, велика вероятность, что она делает пробежки в этом парке ежедневно и найти ее труда не составит. Наконец фотографии закончились, и Саша поторопился вернуться в комнату, где остались Яна и Антон. И как бы быстро Девятов не отступил в сторону, и Саша, и – он в этом был уверен – Алина успели увидеть, что мгновение назад герой-любовник обнимал Яну. Однако Алина никак не это не отреагировала, по крайней мере, вслух. Обменявшись парой незначительных слов, они расстались: Девятовы ушли вглубь подсобных помещений, а Саша и Яна вернулись в зал.

В клубе продолжалась ночь, из колонок лилась громкая музыка, на этот раз в записи: кроме «ДвАжды», этой ночью выступающих больше не было.

– Хочешь еще остаться? – поинтересовался Саша у Яны, хотя сам он прилично устал и предпочел бы отправиться домой, но уводить Яну против ее желания казалось невежливым. В конце концов, изначально он приглашал ее в клуб, а не помогать с заданием.

– Если ты не против, то я бы закончила веселиться, – покачала головой та. – Кажется, я немного перенервничала из-за разговора с Антоном.

– Я испортил тебе вечер?

– Шутишь? – Яна выразительно округлила глаза. – Когда еще мне удастся поболтать с Антоном Девятовым и отхватить у него фотографию!

– Знаешь, еще чуть-чуть, и я начну ревновать, – не удержался от подначки Саша.

– А вот и следовало бы! – рассмеялась Яна. – Девятов так откровенно со мной флиртовал и даже подарил браслет.

Яна продемонстрировала ему запястье с украшением, и Саша перехватил ее руку, поднес ближе к глазам, якобы для того, чтобы в полутьме рассмотреть браслет, но затем быстро поцеловал тонкие пальцы.

– Я подарю тебе лучше, – пообещал он. – Но, очевидно, подозрения Алины оказались не такими уж беспочвенными?

– Очевидно, – вздохнула Яна. – Не знаю, есть ли у него любовница, но приударить за девушками он не отказывается.

– Странно, – заметил Саша. – Мне показалось, что Алина не так сильно переживает за брак, как за карьеру. А Антона это, похоже, не волнует.

– Я тоже удивилась, – согласилась Яна. – И я не настолько неотразима, чтобы думать, что исключение он сделал только для меня.

– Ну что ты, ты прекрасна, – не слишком убедительно возразил Саша, поскольку мысленно уже намечал план действий на завтра.

Глава 2

Перед подъездом уже собралась толпа народу, в том числе и журналистов: они стояли в первых рядах, приготовив камеры, микрофоны, а то и просто мобильные телефоны. Никто сначала не обратил внимания на мужчину в штатском, припарковавшего машину чуть в стороне и торопливо направляющегося к подъезду. Все решили, что это очередной зевака или, в крайнем случае, жилец одной из квартир. Но когда мужчина продрался сквозь толпу и, на ходу кивнув полицейскому, охранявшему вход, направился в подъезд, журналисты мигом ожили: защелкали фотоаппараты, загудела толпа, а одна девица в клетчатой кепке громко крикнула:

– Скажите, это правда, что убита Алина Девятова?

Мужчина никак не отреагировал, скрылся за тяжелой дверью подъезда, а оставшийся полицейский принялся успокаивать разволновавшуюся толпу: вопрос журналистки снял оцепенение, в котором зеваки пребывали вот уже почти час. Все мигом загомонили, закричали в попытках раздобыть горячие новости.

Оперуполномоченный Алексей Лосев, который и был мужчиной в штатском, не стал дожидаться лифта, поднялся на третий этаж пешком. Там находилось всего две квартиры, зевак сюда не пустили, а потому стену подпирал лишь еще один полицейский.

– Здор*о*во! – кивнул он Лосеву. – Что там внизу, много журналюг уже?

– А то! – ответил Лосев. – Мало нам не покажется.

Полицейский тяжело вздохнул и пропустил его в квартиру, втайне радуясь, что в свое время ушел из уголовного розыска и теперь заниматься этим громким делом под прицелом камер придется не ему.

А вот в квартире народа было много. Не настолько, конечно, как внизу, но тоже прилично. Из кухни доносились громкие рыдания, и сквозь открытую дверь Лосев разглядел полную молодую женщину, которая сидела на стуле, прижав ладонь к лицу. Плечи ее сотрясались от рыданий, и юный фельдшер скорой помощи никак не мог правильно наложить манжету, чтобы измерить давление.

Лосев прошел в гостиную, где, по всей видимости, и обнаружили тело. Длинные стройные ноги торчали из-за дивана, на одной была ярко-красная туфля на небольшом каблуке, вторая туфля нашлась у выхода на балкон. Возле ног трупа на коленках стоял незнакомый Лосеву криминалист. Следователь Петр Михайлович Воронов и судмедэксперт Лера Горяева маячили чуть в стороне, у окна, и о чем-то тихо переговаривались. Лосев направился к ним, попутно оглядываясь по сторонам, чтобы составить первое впечатление.

Девятовы не бедствовали: однотонные, очевидно, дорогие обои на стенах, настоящий паркет, мебель из массива, телевизор во всю стену, фотографии по периметру комнаты, тяжелые шторы на окнах. Опытный глаз мужа инстаграмного блогера подмечал и мелочи, выдававшие хорошего дизайнера, поработавшего над квартирой. Все было подобрано в тон, правильно расставлены акценты, использована дорогая фурнитура. И все это было безнадежно испорчено. Если разбросанные вещи еще можно собрать, то трещину на телевизоре уже ничем не исправить, только купить новый. Обои, свисающие лохмотьями, тоже переклеивать, диван со вспоротой чем-то острым обшивкой – перетягивать, разрезанные на лоскуты шторы – выбрасывать.

– Явился, наконец, – беззлобно проворчал Воронов, когда Лосев подошел ближе. – Как девица на выданье собираешься.

– Я за городом был, Петр Михайлович, – пояснил тот.

– Отдыхал, что ли?

– Если бы! Работал. А у вас тут что? По квартире будто ураган прошел.

– Дерьмо у нас тут, – плюнул следователь. – Намучаемся отмываться. Звезда федерального масштаба Алина Девятова собственной мертвой персоной.

Лосев современную попсу не слушал, но даже у него не было шансов не знать Алину Девятову. Во-первых, ее песни доносились из каждого утюга, она и ее муж были приглашенными гостями в каждом ток-шоу; а во-вторых, Анюта, жена Лосева, постоянно рассказывала ему о своих конкурентках, а красавица-певица имела многотысячную армию подписчиков в инстаграме и привлекала внимание Анюты.

– И как она?..

– Похоже, задушили, – вздохнул следователь. – Лера еще не осматривала тело.

– Жду, пока криминалисты закончат, – добавила Лера. – Но странгуляционная борозда на шее весьма красноречива.

– Помощница по хозяйству обнаружила, – Воронов кивнул на стену, за которой находилась кухня, и Лосев понял, что рыдающая там девушка и есть та самая помощница. – Пришла убираться, а тут такой сюрприз.

– Да уж, убираться ей тут неделю придется, – мрачно заметила Лера. – Проще сразу ремонт сделать.

– Похоже, драка была что надо, – согласился Воронов. – Небось все соседи слышали.

В этом Лосев сомневался. И вовсе не потому, что верил в хорошую шумоизоляцию. Просто утром в среду едва ли так уж много соседей находились дома.

– А Антон Девятов где? – поинтересовался он.

– Вопрос на миллион. По телефону не доступен, ищут. Одно из двух: либо он и грохнул женушку, либо его похитили. Может, скоро выкуп потребуют. И что-то я больше склоняюсь именно к этой версии.

– Почему? – не поняла Лера.

– Потому что в жизни не поверю, что вот это, – Воронов обвел рукой разгромленную гостиную, – устроили два человека, один из которых – женщина.

– Вы нас просто плохо знаете, – хмыкнула Лера.

Следователь только развел руками, и не соглашаясь, и не возражая.

– Сейчас криминалисты закончат и начнем осмотр, – сказал он, а затем повернулся к Лосеву. – Иди пока с помощницей этой поговори, я ее допрошу потом, как в себя придет. Сил моих нет на эти бабские слезы.

Лосев послушно вышел из гостиной и направился на кухню. Фельдшер уже справился с тонометром и как раз упаковывал в большой белый чемоданчик какие-то флаконы и ампулы. Должно быть, вколол девице успокоительное.

– Теперь с ней можно разговаривать, – сказал он вошедшему Лосеву, – но постарайтесь ее сильно не волновать. И домой одну не отпускайте.

Лосев рассеянно кивнул, дождался, пока сотрудники скорой помощи покинут квартиру, и сел за стол рядом с девушкой. Та выглядела заплаканной, но уже способной отвечать на вопросы: взгляд ее показался Лосеву достаточно осмысленным для этого.

– Меня Алексей зовут, – представился он, подвинув несчастной стакан с водой. – А вас?

– Катя, – шмыгнула носом та.

– Катя, вы помогаете Алине по хозяйству, я правильно понял?

Девушка судорожно кивнула. Лосев намеренно не использовал прошедшее время, чтобы не спровоцировать очередной поток слез и не пустить под откос все старания фельдшера. Нужно разговаривать так, чтобы как можно меньше концентрироваться на произошедшем, до этого они еще дойдут.

– Я два раза в неделю прихожу убираться, – продолжила Катя, сделав несколько больших глотков воды. – Пылесошу, пол мою, пыль вытираю, белье глажу. Квартира у Девятовых большая, а когда Алине за ней следить? Порой она просит приходить чаще, если у них вечеринки какие-то, гости приходят.

– А сейчас вы пришли планово или по просьбе?

– Планово. Обычно я стараюсь приходить так, чтобы их уже не было дома. Алина и Антон сегодня должны были на гастроли уехать, поэтому я даже задержалась на полчаса, чтобы они точно успели уехать. Антон не очень любит, когда я «путаюсь под ногами». – Катя скорчила презрительную мину, и Лосев понял, что это цитата самого певца.

– А у вас есть свой ключ? – уточнил он.

– Ну да. Я уже полтора года у них работаю, зарекомендовала себя хорошо, вот мне ключ и выдали.

– Хорошо, вы пришли, что дальше было?

– Поднялась на этаж, открыла дверь, и тут оно на меня как кинется!

– Оно? – Лосев сделал стойку, как служебная собака. Ни о чем таком следователь не упоминал.

– Ну да, – девушка вытерла лицо тыльной стороной ладони и посмотрела на собеседника. – Черное, огромное. Я сначала подумала, что собака. У других моих работодателей огромный черный дог, вот он иногда от радости так на меня бросается, стоит дверь открыть. А тут оно вроде кинулось, а я понимаю, что нет у Девятовых собаки. В сторону отскочила, оно мимо пролетело и скрылось у лифтов. Я в квартиру вошла, дверь быстро закрыла, а у самой руки-ноги трясутся. Что это было, думаю. Алина не предупреждала, что в квартире кто-то будет. Сумку на комод поставила, вытащила телефон Алине позвонить, спросить, вдруг реально собака какая, мне теперь догонять придется. А ее телефон в гостиной зазвенел. Я удивилась, пошла туда, а там…

Катя громко всхлипнула и снова разрыдалась. Рыхлое лицо пошло красными пятнами, из носа некрасиво полилась жидкая струйка. Лосев налил из графина еще воды, почти силой заставил девушку сделать глоток. Ничего больше вытянуть из нее не удалось. Вылетевшего из квартиры она не рассмотрела, не могла даже точно сказать, было это все-таки собакой или человеком. В таком доме наверняка есть камеры внизу, а если повезет, то и возле лифтов на каждом этаже. Если черная тень на самом деле скрылась у лифтов, то на записи они ее увидят.

Пока Лосев возился с Катей, криминалисты успели закончить с телом и передать его Лере. Та уже сидела возле мертвой Алины Девятовой, а следователь стоял над ней, когда Лосев вернулся в гостиную.

– …Мертва около трех часов, – донесся до него Лерин голос. – Процентов девяносто девять, что действительно задушена, на сто процентов буду уверена только после вскрытия.

– А чем задушена?

Следователь растерянно огляделся, не находя рядом с телом ничего, что могло бы послужить удавкой. Лера же наклонилась ближе к лицу жертвы, потрогала пальцами в перчатках шею.

– Чем-то очень тонким. Похоже на цепочку. Может быть, она что-то носила на шее, чем ее и задушили. Странно только, что цепочка не порвалась. Судя по следам, она должна быть очень тонкой, такие обычно достаточно легко рвутся при серьезном физическом воздействии.

– Но если не рвутся, то и шансов не оставляют, – вздохнул следователь. – Под них пальцы не засунешь, чтобы хоть как-то попытаться ослабить удавку и вырваться. Лосев, как там наша дамочка?

– Отвечать на вопросы может, – заверил тот, подходя ближе. – Правда, несет какую-то чушь о том, что на нее бросилась черная тень, едва она открыла дверь. Я подумал, что, если в подъезде есть камеры, нужно запросить записи, вдруг там видно эту тень.

– Записи в любом случае надо запросить, – кивнул следователь. – Займись этим, а мы пока тут оглядимся.

Лосев кивнул, послушно выходя из квартиры.

* * *

Ох как не любил Петр Михайлович Воронов такие убийства! Уж лучше маньяки, вот честно слово! Да, за маньяков начальство тоже бесконечно за нервные окончания дергает, но за звезд вообще спуску не дает. Хуже звезд только политики. Но политики Воронову доставались редко. Начальство знало его несдержанность и любовь к резким выражениям, поэтому предпочитало держать подальше от подобных убийств. Кому нужна головная боль не только с политиком, но еще и с нерадивым следователем? А вот звезды порой доставались.

Алина Девятова явно знала убийцу и отчаянно сопротивлялась, когда тот посягнул на ее жизнь. Замки не были взломаны, значит, в квартиру она впустила его сама. Или у него были ключи. Или он вообще жил здесь. Так что, как бы следователь ни сомневался в том, что два человека могут устроить такой разгром, а многое указывало на мужа Девятовой, Антона. И этот факт вводил следователя в еще большее уныние. Хреновое дело – убийство звезды, но еще более хреновое – убийство звезды второй звездой. Уж лучше бы Девятова похитили, честно слово!

Следы борьбы в гостиной были нешуточные. И чем больше следователь их рассматривал, тем сильнее задумывался, что тут вообще произошло. Казалось, что здесь была не просто драка, а нападение неизвестного, но очень сильного зверя. Стены, мебель, занавески на окнах будто располосовали ножом или… когтями. Такие же следы: длинные тонкие царапины – Воронов обнаружил и на подоконнике. И что самое странное: не только внутри квартиры, но и снаружи.

– Что за?.. – вслух пробормотал он, разглядывая царапины на жестяном козырьке по другую сторону окна. Так и не найдя ответа, он тряхнул головой, отошел от окна и вернулся к телу.

– Что насчет изнасилования? – мрачно спросил он у Леры, указывая на разорванную одежду Девятовой.

– Маловероятно, – ответила та. – Платье порвано, но белье есть, и целое. А вот типичных для изнасилования ссадин и синяков нет.

Ну, хоть с этим полегче. Хотя если б и было, кто эту молодежь знает. Такие игры у них нынче есть, что старый следак Воронов со стыда бы сгорел. А если б жене своей рассказал, она бы его и вовсе из дома выгнала.

Раздав указания операм и отправив их по соседям, он зашел на кухню пообщаться с дамочкой, обнаружившей жертву. Дамочка, назвавшаяся Екатериной, уже пришла в себя настолько, чтобы перестать рыдать и рассказывать все вполне адекватно. Правда, на вопрос, какие были отношения у четы Девятовых, замялась.

– Вы же понимаете, это их репутация, – неуверенно замямлила она. – Алина меня сразу предупредила, что я должна не болтать и ни с кем не обсуждать то, что увижу здесь.

– Милая моя, – едва сдерживая раздражение, сказал Воронов, – Алина ваша лежит в гостиной мертвая, а ее репутация полетела под откос в тот момент, как перестало биться сердце. Так что рассказывайте как есть, мы тут не в игрушки играем, а убийство раскрываем.

Нижняя губа Катерины затряслась, но, к чести девушки, она смогла сдержать слезы.

– Ну, при мне они ни разу не ругались. Они вообще редко бывали дома, когда я приходила. Но знаете, – она понизила голос и наклонилась ближе к Воронову, словно бы собиралась с подружкой сплетничать, – как бы люди ни скрывали размолвки, а домработница их всегда видит.

– Это как же? – удивился Воронов.

– А вот так! По мелочам всяким. Я же два раза в неделю приходила не только полы мыть, но и белье стирать и гладить, вещи по местам раскладывать. И сразу видно, когда супруги в

разных комнатах спят. Пусть они потом белье на одну кровать сносят, но я же вижу, что в гостевой комнате на диване подушки не так стоят, стакан с водой на полу забыли, зарядное для телефона в розетке торчит.

– Может, у них гости были, – упорствовал следователь. Упорствовал даже не из вредности, а чтобы вытащить из Катерины побольше деталей. Доказывая свою точку зрения, люди порой выдают такие тайны, о которых никогда бы не упомянули в другом случае.

– Когда гости приходят, они за ними не убирают! А тут сразу видно, что следы скрыть пытались.

– И как часто такое бывало?

– Ну… – Девушка задумалась. – Раз-два в месяц. Последнее время чаще.

– А на почве чего у них были размолвки? Измены, рукоприкладство?

– Не, рукоприкладства точно не было. Я бы заметила. Ну, знаете, салфетки окровавленные в мусорке, капли крови в труднодоступных местах. Такое не спрячешь. Измены если и были, то тоже не здесь. Никого постороннего в постель они не приводили.

Воронов рассеянно кивнул. Как все-таки много известно человеку, убирающему квартиру. Даже хорошо, что у него никогда не было денег нанять жене помощницу, да та бы и не согласилась. Она с трудом соглашалась купить что-нибудь готовое на праздники, когда собиралась многочисленная родня, вместо того, чтобы весь день хлопотать у плиты, и доверять чужому человеку стирать свое белье уж точно не стала бы.

В квартире Девятовых провозились не один час. Следов было много, отпечатков пальцев и того больше. Плохо, что орудие убийства так и не нашли. То ли убийца унес его с собой, то ли они проходят мимо него, не подозревая, что это оно и есть. Одна надежда, что после вскрытия Лера сможет описать его подробнее.

* * *

Как Лосев и думал, в первой половине буднего дня почти никого из соседей дома не оказалось, а это значило, что, во-первых, с опросом закончат быстро, а во-вторых, его придется проводить заново вечером. А то и несколько дней подряд. И последнее Лосева пусть не радовало, но и не так уж сильно огорчало: привычно. Да и позволит занять чем-то вечер, чтобы не идти домой. Отношения с женой в последнее время испортились окончательно, они могли не разговаривать друг с другом несколько дней подряд, а в квартире-студии, где было негде спрятаться друг от друга, такая атмосфера была особенно гнетущей, поэтому Лосев и хватался за любую возможность дополнительно поработать. И почти всегда ему это удавалось: работа у оперативников никогда не заканчивалась.

В целом соседи не сказали ничего интересного. Дом был из «приличных». Квадратные метры здесь стоили баснословно дорого, во дворе запрещалась парковка, почти у каждой квартиры имелось место в подземном паркинге. Жильцы сплошь обеспеченные и культурные. Знали, конечно, что в пятой квартире живут известные певцы, но тут куда ни плюнь – все чем-то известны, поэтому, встречаясь в лифте, просто вежливо здоровались.

Девятовы жили здесь чуть меньше двух лет. Вели себя сдержанно и тихо, если намечалась вечеринка, всегда предупреждали соседей и получали их согласие на шум и музыку. Пожалуй, кое-что удалось вытянуть только из ближайшей соседки, квартира которой находилась на том же этаже. Планировка в этом доме была такой, что соприкасались квартиры лишь стенами кухни, но и этого хватило.

В шестой квартире жила женщина лет шестидесяти, которую язык не повернулся бы назвать пожилой. Она была высока ростом, стройна, даже дома ходила в домашнем, но стильном платье и туфлях-лодочках на небольшом каблуке. Волосы были выкрашены в скрывающий седину каштановый цвет и аккуратно подстрижены и уложены, а лицо слегка тронуто макия-

жем. Как вскоре выяснилось, хозяйка квартиры была профессором математики, когда-то преподавала в университете, защитила докторскую диссертацию, но около трех лет назад здоровье больше не позволило ей работать, поэтому вышла на пенсию. Воспитала двоих сыновей, которые выросли образованными и обеспеченными людьми и купили матери квартиру в ее любимом районе.

Женщина назвалась Тамарой Антоновной, пригласила Лосева в квартиру, не спрашивая, налила ему большую чашку чая с лимоном и поставила на стол коробку дорогих конфет. Она не стала ахать и охать, узнав о причине визита, подошла к разговору по-деловому, хоть и вздохнула сочувственно.

– Конечно, я знаю Алину и Антона, – говорила она, присаживаясь за стол вместе с Лосевым. – Мы ведь жили на одной площадке, а квартир у нас, как вы видите, мало. Сталкивались не каждый день, ведь они часто уезжали на гастроли, но достаточно для того, чтобы не просто здороваться, но и вежливо интересоваться, как идут дела.

– И как вам казалось, они были дружны?

– Как вам сказать, – Тамара Антоновна положила в рот конфету и запила ее чаем, давая себе время сформулировать. – Поначалу мне казалось, что да. Они ведь въехали сюда, уже будучи известными, а я телевизор смотрю, их сразу узнала. Интересно стало посмотреть на них вживую. Я, знаете ли, на пенсии увлеклась чтением книг по психологии, поэтому понимала, что то, что они демонстрируют на публике, далеко не всегда правда. Вот и стала присматриваться.

– И что заметили?

– Сначала они были дружны. Или, по крайней мере, умело делали вид. Знаете, как это бывает: в начале отношений вы влюблены друг в друга, не замечаете очевидных недостатков, а если и замечаете, то кажется, что готовы с ними мириться. Но потом первая страсть проходит, а недостатки остаются. И вот вы уже понимаете, что надо что-то менять. И появляются первые придирки, ссоры, потом скандалы, потому что ваш партнер, во-первых, ничего менять не планировал, ведь до этого вас все устраивало, а во-вторых, его, может быть, в вас тоже что-то раздражает, но он же молчит и искренне ждет от вас того же. Или же не молчит, и тогда ваши претензии становятся взаимными, а ссоры – серьезными.

Лосев понимал. Очень хорошо понимал. Тамара Антоновна, сама того не зная, задела его за больное. Ведь так и происходило у него с Анютой. Когда они только поженились, Лосев не замечал ни крайнюю эгоистичность молодой супруги, ни ее помешанность на блоге, ни нежелание кому-либо говорить, кем работает ее муж. Но потом розовые очки спали, а недостатки остались. И в глубине души он понимал, что Анюте тоже есть что ему предъявить: он старше ее на девять лет, не так много зарабатывает, а рабочий день при этом у него ненормированный. И как она видела, за кого выходила замуж, так и он, по идее, должен был видеть, на ком женится. Но Тамара Антоновна права: страсть делает людей слепыми, глухими и самоуверенными.

– И что же, в последнее время у Девятовых начались ссоры? – спросил Лосев, отвлекаясь от собственных мыслей.

– Знаете, ссоры у них бывали нечасто, – призналась собеседница. – Или, по крайней мере, я их не слышала. Вне стен квартиры они держали себя в руках, а квартиры у нас соприкасаются только одной стенкой на кухне. Поэтому скандалы я слышала, наверное, только раза два.

– И что именно они кричали?

– Кричала Алина. Антона я не слышала. Что именно кричала она, тоже разобрать было нельзя. Да я и не прислушивалась.

Лосев спрятал ухмылку. Не прислушивалась она, как же. Сама сказала, что было интересно наблюдать за соседями, а тут к скандалам не прислушивалась. Он не удивился бы, если бы выяснилось, что уважаемый профессор, как последняя подъездная сплетница, стояла на кухне, приставив стакан к стене. На самом деле такие сплетницы были незаменимы в работе

полиции, поскольку именно от них можно было узнать много важной информации, но как человек, живущий в доме с картонными стенами, Алексей Лосев их терпеть не мог.

– Но знаете, – продолжила Тамара Антоновна, не замечая выражения его лица, – часто крики эти были… Как бы вам сказать? Будто вопль страха.

– Страха? – зацепился Лосев. – Антон бил Алину?

– Этого я доподлинно не знаю. Может быть, он ей просто угрожал. Тем более, скандалы ведь не главное. И без них можно было понять, что у ребят не все гладко.

– Это как же? – удивился Лосев.

– По жестам, по взглядам. Я же говорю, увлеклась книгами по психологии, а там про это много. Как люди бессознательно себя ведут в присутствии других. Например, в лифте когда вместе ехали, они стояли отдельно друг от друга, будто чужие. За руку никогда не брались, когда куда-то шли.

– Может, они просто не любители выставлять свои чувства напоказ, – пожал плечами Лосев, хотя сам так не думал. Певцы, весь пиар которых построен на страстной влюбленности друг в друга, как раз на людях должны вести себя соответствующе. Впрочем, на людях они так себя и вели, если верить информации, которую Лосев успел быстро пролистать. А соседей порой не воспринимают как посторонних.

– Так ведь раньше выставляли! – не согласилась с ним Тамара Антоновна.

– И как давно вы заметили, что в их семье разлад?

– Ну, – Тамара Антоновна задумалась, – в ноябре еще все было нормально. Точно помню, мы вместе ехали в лифте, у меня сумки тяжелые из магазина были. Антон помог мне их донести до квартиры, даже внутрь зашел, чтобы мне самой не таскать, а Алина ждала у порога, без него к себе не пошла. Поверьте, это многое значит. В декабре я три недели гостила у старшего сына в Австрии, вернулась сразу после католического Рождества. Антон и Алина были на гастролях, потом Новый год и многочисленные выходные, сыновья были у меня в гостях, мне было не до наблюдений за соседями. А вот в середине января я и услышала первую ссору. Так что, получается, около трех – трех с половиной месяцев.

– А сегодня утром вы что-нибудь слышали? – поинтересовался Лосев.

– Безусловно! Ведь это я и вызвала полицию.

Лосев оживился. Такой информации у него не было, он понятия не имел, кто и как вообще вызвал помощь. Почему-то считал, что это сделала домработница, хотя, если вспомнить ее состояние, когда он приехал, едва ли она могла кого-то вызвать.

– Сначала все было тихо, – продолжала Тамара Антоновна. – А потом что-то упало. Я как раз на кухне пила утренний кофе и слушала новости по радио. Грохнуло рядом, будто у Девятовых что-то уронили тоже на кухне. Я радио приглушила немного, но они, видимо, ушли из кухни в гостиную или куда-то дальше, потому что голоса доносились едва слышно.

– Голоса? – напрягся Лосев. Она же говорила, что всегда слышала только Алину.

– Ну да, – кивнула Тамара Антоновна. – Алина с Антоном ругались. На этот раз я слышала обоих, тоже удивилась.

– Голоса были только их? Никого постороннего?

– Нет, только Алина и Антон.

– О чем они ругались, вы, конечно, не слышали?

– Увы.

– И в котором часу это было?

– Так, сейчас вспомню, – Тамара Антоновна подняла глаза к потолку. – Я проснулась без четверти восемь, умылась, поставила чайник, чтобы успеть к восьмичасовым новостям. И как раз в это время у них что-то упало. Скандал длился минут пятнадцать, наверное. Так что примерно в промежутке с восьми до половины девятого.

Лосев взглянул на часы. Совпадало с временем смерти, указанным Лерой. Значит, во время этого скандала и погибла Алина. Неужели ее убил все-таки Антон Девятов? Ох и влипли они!..

– А дальше что было?

– Я занялась своими делами, а потом услышала крик. Выскочила из квартиры: дверь к Девятовым распахнута, в коридоре стоит их домработница, Катюша, и кричит. Я подбежала к ней и увидела ноги Алины. Обошла диван, убедилась, что она мертва, вызвала полицию и скорую помощь.

– Что-нибудь трогали?

– Конечно же, нет! Катю сразу на кухню увела, чтобы и она ничего не трогала. Хотела к себе, но побоялась оставлять квартиру соседей открытой.

Отважная старушка, ничего не скажешь. Лосев быстро черканул в блокноте время, указанное Тамарой Антоновной.

– И между скандалом в квартире Девятовых и криком домработницы вы ничего не слышали?

– К сожалению, – Тамара Антоновна развела руками, – после завтрака я занялась стиркой и глажкой постельного белья, прачечная со стиральной машинкой находится в другом конце квартиры. Я бы и Катю там не услышала, повезло, что как раз решила сделать перерыв.

Лосеву показалось странным, что перерыв соседки случайно совпал с тем временем, когда к Девятовым пришла Катя. Вполне возможно, Тамара Антоновна знала время, к которому приходит домработница, и специально дежурила у двери, чтобы не пропустить что-нибудь интересное. Едва ли рассчитывала увидеть труп, но, может быть, разгром в квартире, когда Катя откроет дверь. В таком случае она могла увидеть и кое-что еще.

– Тамара Антоновна, и последний вопрос. Катя утверждает, что, когда открыла дверь квартиры Девятовых, на нее бросилось что-то черное. Не то собака, не то человек, она с перепугу не рассмотрела. Вы ничего такого не заметили?

– Нет, – удивленно, но достаточно уверенно ответила женщина. – Она открыла квартиру и вошла, никто ей навстречу не выходил. – Тамара Антоновна поняла свою оговорку и торопливо добавила: – То есть я, конечно, подошла позже, сам момент открывания двери не видела, но, если бы кто-то выскочил, куда бы он делся? Если это был человек, а не собака, есть, конечно, вероятность, что он успел уехать на лифте или скользнуть на лестницу, но это же должно было повезти, чтобы лифт стоял на нашем этаже. Иначе не успел бы. А дверь на лестницу открывается с трудом, там нужно силу приложить, и хлопает она сильно, я бы услышала.

Лосев скрыл ухмылку. Если бы достопочтенная старушка действительно вышла только на Катин крик, то откуда ей было знать, сколько времени прошло с тех пор, как девушка вошла в квартиру? Но ничего говорить он не стал. К делу это отношения не имеет, а настраивать против себя соседку не хотелось. Мало ли когда еще пригодятся ее показания.

Глава 3

Лера Горяева редко уходила домой вовремя. Настолько редко, что не могла вспомнить, когда такое случалось в последний раз. Всегда находились какие-то важные дела разной степени срочности: то придут результаты исследования тканей, то следователи новые запросы подадут, то просто слишком много трупов. Последнее обычно случалось осенью или весной, когда, как принято считать, обостряются все психические заболевания. Лера не знала, так ли это, но тот факт, что весной и осенью люди убивают друг друга чаще, чем зимой и летом, был неоспорим.

Вот и сегодня шел уже седьмой час вечера, а она продолжала торчать в секционной и возиться с телом Алины Девятовой. Могла бы заняться им и завтра, но следователь непрозрачно намекнул, что хорошо бы это сделать сегодня. Потому что за убийство такого масштаба его наверняка будут ежедневно, а то и по нескольку раз на дню доставать и начальство, и журналисты. Да Лера и сама видела толпу перед домом Девятовых.

Макс, санитар, который помогал ей на вскрытиях, слезно умолял отпустить его вовремя, поскольку у него на вечер было назначено какое-то там мероприятие, и Лера не стала вредничать. Во-первых, задержаться после смены было ее желанием, Макс никоим образом не должен был страдать из-за трудоголизма судмедэксперта, а во-вторых, Алина Девятова была особой достаточно хрупкой, чтобы Лера не надорвалась, проводя вскрытие одна и поворачивая тело при необходимости. А потому и кое-что необычное Лера тоже увидела сама.

Откинув с жертвы простыню, она настроила яркую лампу и сразу увидела следы в районе ключиц Алины. Длинные, тонкие, напоминающие кровоподтеки, будто кто-то чертовски сильный с чертовски длинными пальцами стоял позади девушки и держал ее за плечи.

Лера тут же потянулась к фотоаппарату, чтобы сфотографировать следы. Сделала несколько снимков, переключилась на режим просмотра кадров и удивленно замерла. На небольшом экране была видна верхняя половина тела, почти вся покрытая такими же следами.

Лера опустила фотоаппарат и взглянула на Алину. Кожа на ее груди и плечах была бескровно-белой, без каких-либо признаков кровоподтеков, кроме тех, что она увидела сразу на ключицах. Вживую с двух сторон протянулись четыре темные полосы, а на экране фотоаппарата такие полосы были и на груди, и на руках, и на животе девушки. Лера нерешительно вдохнула, а затем быстро сделала еще пару снимков, на этот раз фотографируя все тело. Яркие сине-черные следы снова проявились на экране фотоаппарата и были видны на ногах в том числе.

В нарушение всех правил ведения аутопсии, Лера схватилась за скальпель и сделала надрез кожи в том месте, где следы виднелись вживую, а потом и там, где их было видно только на экране фотоаппарата. Ничего. Никаких признаков скопления крови ни там, ни там. Понимая, что это не может быть брак фотоаппарата, она сфотографировала себя сначала в одежде, а затем, воровато оглянувшись, спустила с плеч халат и футболку и снова сфотографировала уже обнаженное тело. Ее кожа была такой, какой она и видела ее в зеркале, так что вовсе это не брак аппаратуры. И не тень от лампы, Лера несколько раз меняла положение той, а следы все равно проявлялись.

Вместо того чтобы продолжать вскрытие, Лера набрала номер следователя.

– Петр Михайлович, это Горяева. У меня тут на теле Девятовой какие-то странные следы, будет лучше, если вы взглянете, – без предисловий заявила она.

– Прямо сейчас? – хмуро поинтересовался Воронов.

– Да.

Следователь тяжело вздохнул, что-то прикидывая в уме.

– У меня люди вызваны на семь, я не могу уйти. Сейчас вызвоню кого-нибудь из оперов, покажешь им.

Не дожидаясь ответа, Воронов положил трубку, и Лере ничего не оставалось, кроме как смириться. Просто сидеть и ждать полицейского она, конечно, не станет. Еще неизвестно, когда тот приедет. Сможет ли следователь найти кого-то свободного или же озадачит того, кто сейчас занят и явится лишь тогда, когда освободится? А рабочий день, между прочим, уже закончен. И все опера либо дома, либо же, если продолжают трудиться, то не пьют кофе в ожидании задания от следователя. Да и Лере, при всей ее любви к работе, не улыбалось уйти домой в полночь, ведь вскрытие Девятовой все равно придется закончить сегодня. Поэтому, положив телефон в сумку, она вернулась в секционную и снова взялась за скальпель, стараясь не смотреть постоянно на гладкую белую кожу на плечах Алины.

К тому моменту, как в соседнем кабинете, где стоял компьютер и хранились документы, открылась дверь и раздался голос Леши Лосева, Лера почти закончила со вскрытием.

– Лер, ты где?

– Тут я! – крикнула она. – Заходи, но имей в виду, что у меня еще не прибрано.

Леша осторожно заглянул в секционную, быстро окинул взглядом стол, на котором лежало тело, и тут же отвернулся.

– Воронов сказал, что ты хотела что-то показать.

– Ага, – Лера торопливо прикрыло тело Алины простыней, оставив обнаженными только голову и плечи. – Накинь халат возле двери и заходи, я все закрыла.

Леша быстро накинул на плечи халат и вошел внутрь, настороженно глядя то на Леру, то на Алину. Лера подвела его к столу и указала на синяки на плечах.

– Как по-твоему, что это?

Леша наклонился ближе, будто ища подвох. Наверняка он понимал, что Лера не позвала бы его из-за простых синяков, такое можно было написать в отчете или хотя бы сказать по телефону.

– Похоже, ее кто-то держал за плечи, – наконец сказал Леша. – И если пятна образовались примерно во время смерти, то это доказывает, что у убийцы был или сообщник, или четыре руки. И я ставлю на сообщника.

– Но тут видишь какое дело: судя по пятнам, которые определенно образовались в момент убийства, тот, кто ее держал, стоял ровно за ней. Давление обеих рук одинаковое. А тот, кто ее душил, тоже стоял сзади, судя по борозде. И вот я не очень понимаю, как они оба могли стоять сзади, а не по бокам.

– То есть ты ставишь на четырехрукого убийцу? – хмыкнул Леша.

Лера на это ничего не ответила.

– Крепись, я отворачиваю простыню.

На самом деле Леша работал в полиции уже около десяти лет, видеть ему доводилась за это время разное, и труп со вскрытой грудной клеткой далеко не самое страшное зрелище, поэтому за его психологическое состояние Лера переживала не так уж сильно. Справится.

– Посмотри, видишь ли ты еще где-нибудь на теле такие пятна.

Леша отнесся к просьбе ответственно, осматривал тело буквально по сантиметру, но в конце концов покачал головой.

– Нет, не вижу. А должен?

– Достань мобильный телефон и сделай несколько фотографий.

– Трупа?

– Ну не меня же!

– Уж лучше бы тебя, – пробормотал Леша, вытаскивая смартфон.

Он сделал несколько снимков, но просматривать их не торопился. До его прихода Лера уже убедилась, что на экране мобильного видно все то же самое, что и на дисплее фотоаппарата, поэтому молча кивнула на телефон, давая понять, что делать дальше. Леша послушно открыл галерею и принялся просматривать сделанные кадры, то и дело бросая взгляды на тело

Алины. Очевидно, сравнивал. И с каждой секундой брови его сходились все ближе друг к другу.

– Это как? – наконец спросил он.

Лера развела руками.

– Понятия не имею. Но знаешь, что самое интересное?

– Куда уж интереснее?

– Ни на тех местах, что видно на снимках, ни на месте реальных синяков на теле крови нет. Это не кровоподтеки.

– А что?

– Не знаю. Я взяла образцы тканей на анализ, попрошу сделать побыстрее, но будет лучше, если Воронов лабораторию тоже пнет. Честно говоря, у меня никаких предположений.

Леша снова наклонился к трупу, рассматривая пятна на теле.

– Знаешь, они какие-то странные. Будто пальцы у того, кто ее держал, раза в два длиннее обычных человеческих.

– Мне тоже так показалось, – согласилась Лера.

Оба посмотрели друг на друга, вспоминая разгромленную квартиру Девятовых. Все больше походило на то, что в момент убийства там был кто-то еще. И именно этот кто-то, а вовсе не Антон и Алина, устроили такой бедлам. Но Тамара Антоновна из шестой квартиры не упоминала третьего и не слышала звуков настолько сильной борьбы…

– Как там твой сосед, сильно занят или найдет время взглянуть на наш труп? – наконец спросил Леша.

Брови Леры взлетели вверх.

– Убийство произошло только утром, а следствие уже до такой степени зашло в тупик, что ты готов звать на помощь экстрасенса? – не удержалась она от подначки.

– Сама знаешь, какая неторопливая у нас лаборатория, – вздохнул Леша. – Их пинай не пинай, а все равно несколько дней рожать будут. А журналисты за это время нас с дерьмом съедят. Может, Ник хоть что-то полезное сможет сказать, будем знать, куда двигаться. А то пока, кроме как объявить Девятова в розыск, у нас идей нет.

У него зазвонил телефон, и, по мере того как он слушал невидимого собеседника, лицо его делалось все удивленнее, хотя Лере казалось, что удивить его сильнее, чем это сделала она, уже просто невозможно. Наконец Леша положил трубку и повернулся к ней.

– Эксперты взяли отпечатки пальцев из квартиры Девятовых. Конечно, их там много, но одни свежие есть в нашей базе. Угадай чьи.

Лера развела руками.

– Никаких предположений.

– Участкового инспектора Заречного района старшего лейтенанта Александра Николаевича Сатинова. Знаешь такого?

Конечно, Лера знала. Несколько месяцев назад, когда у Воронова в попечении было дело о маньяке, убивающем людей и вырезающем у них сердца, Сатинов тоже участвовал в расследовании, поскольку именно на его территории обнаружили одно из тел.

– Он здесь каким боком?

– Вот завтра и выясним, полагаю, Воронов захочет с ним поговорить. Ладно, я побежал, если найдешь что-то новое, звони.

Лера махнула ему рукой и вернулась к телу. Она уже почти закончила, нужно было только зашить, но сделать этого ей не дали: Леша вернулся буквально пять минут спустя.

– Лер, я с Никитой созвонился, можно он сегодня еще приедет?

– Сегодня? – Лера возмущенно посмотрела на него.

– У него завтра с утра зачеты, раньше пяти вечера не освободится. А так мы бы завтра уже работать начали, если он что-то занятное скажет. Лер, ну пожалуйста! Я с тобой подожду, честно.

Лера только шумно выдохнула. С ней он подождет в любом случае, ему же интересно узнать, что скажет Никита. И Лера подозревала, что приехать сегодня было вовсе не идеей последнего.

– Опять ночью явишься, тебя Анюта на порог не пустит, – из вредности заметила она, а Леша сразу помрачнел:

– Да мы с ней и так три дня уже не разговариваем, хуже не будет.

– Слушай, а чего ты мучаешься? Ну разводитесь вы, да и всего делов. Взрослые люди, а проблему решить не можете. Скажи ей прямо, что больше не хочешь так жить и лучше вам разойтись, пока совсем врагами не стали.

– Думаешь, это так просто? – с тоской спросил Леша.

Лера могла бы сказать, что просто, но на самом деле просто было давать такие советы, а не следовать им. Она ведь и сама десять лет уже не может сказать человеку, что любит его. Точнее, говорит постоянно, но все это звучит как шутка, а вот сделать серьезное лицо и сказать, что это не шутка, не может. Вот и сейчас после визита Никиты они вместе поедут домой, ведь живут на одной лестничной площадке, и она, как юная школьница, будет наслаждаться каждой проведенной с ним минутой, но так и не скажет ему прямо о своих чувствах. Потому что, когда открываешь другому сердце, нужно понимать, что совсем необязательно его ответ будет таким, каким тебе хочется. Выходить из точки равновесия можно только в том случае, если готов к обоим вариантам развития событий, а Лера к одному из них готова не была.

– Звони Кремневу, черт с тобой, – бросила она, отворачиваясь.

* * *

– У тебя что, вечеринка? – удивленно спросила Лера, покосившись на дверь, из-за которой доносились недвусмысленные звуки музыки и девичьего смеха.

Никита тоже прислушался. Так и есть, это в его квартире кто-то веселится. Похоже, к Даше, младшей сестре, пришли подружки, и, поскольку Даша его не предупреждала о грядущем визите, наверняка это стало неожиданностью и для нее. Чуть больше месяца назад сестра неудачно поскользнулась на лестнице и сломала ногу, поэтому все это время сидела дома. Многочисленные подружки часто ее навещали, но обо всех их визитах она предупреждала заранее, да и были они спокойными и короткими. Девчонки приносили фрукты, иногда болтали с полчаса, рассказывая последние новости, или вместе смотрели фильм и уходили. А позавчера Даше наконец сняли гипс, велев еще недельку посидеть дома и не нагружать ногу, и подруги, очевидно, решили это отпраздновать. Жаль только, что их желание повеселиться пришлось на будний день, а завтра у него напряженный график, но уж лучше так, чем общительная сестра, страдающая дома от одиночества, опять весь вечер будет жаждать его внимания. Никита очень любил младшую сестренку, но порой ее становилось слишком много для него одного.

– Очевидно, – вздохнул он.

Лера поняла его вздох правильно.

– Если хочешь тишины и покоя, заходи, мой диван в твоем распоряжении.

– Спасибо, но, полагаю, мне стоит организовать тишину и покой в своей квартире, пока это не сделали соседи. Время – почти полночь.

Они распрощались, и Лера скользнула в свою квартиру, а Никита открыл дверь своей. Ну что ж, он не ошибся: у Даши в гостях были три подружки. Судя по голосам, компания расположилась в гостиной. Слушали музыку, что-то громко обсуждали и хохотали. Если бы не позднее время, он бы тихонько вымыл руки и скрылся в своей комнате, поскольку искренне

полагал, что Даша имеет на эту квартиру такие же права, как и он, но девчонкам действительно стоит вести себя потише.

Раздевшись и почти не замечая того, что делает, Никита поставил в один ровный ряд обувь, которую девушки побросали как попало, и заглянул в гостиную.

– Ой, Ник, привет! – помахала ему рукой раскрасневшаяся Даша, а на кофейном столике у дивана Никита заметил три бокала с остатками замысловатого коктейля внутри. – Я не ждала тебя так рано.

– Рано? Почти полночь.

Даша взглянула на часы и ахнула, а ее подруги тут же засобирались домой. И Никита понимал, что их удивление не притворство: за болтовней они действительно не заметили, как пролетело время. Две из трех девушек торопливо собрали вещи и распрощались, зато третья, Кристина, уходить не торопилась. Нарочито медленно она поднималась с дивана, поправляла волосы и одежду, а когда подруги уже стояли на пороге и интересовались, скоро ли она, ответила:

– Вы идите, а я Дашке помогу все убрать. А то насвинячили – и сбежали, некрасиво. Потом на такси доеду.

Даша попыталась заверить, что с несколькими бокалами и тарелками справится сама, но Кристина даже слушать не хотела. Никита подозревал, в чем дело, поэтому не стал задерживаться в гостиной, ушел в ванную умыться и переодеться. Он не планировал ложиться спать в ближайшие часа два, а потому следовало сменить одежду на домашнюю. Когда он вышел из ванной, в квартире стояла подозрительная тишина, а на кухне обнаружилась одна Кристина. Она сидела на высоком барном стуле, закинув одну ногу на другую, и лениво пила кофе.

– Где Даша? – поинтересовался Никита.

– Пошла вниз, девчонки забыли кое-что, она понесла им, – ответила Кристина и чуть сменила позу, наклонившись вперед так, что декольте на розовой кофточке стало чуть глубже. – Я предлагала сходить, но, кажется, она уже соскучилась по движению. Хочешь, сделаю тебе кофе?

– С этим я сам справлюсь, – заверил Никита, подходя к кофемашине.

– Хотела за тобой поухаживать, – пожала плечами Кристина, – ты, небось устал. Так поздно возвращаешься домой. Работа или личное?

Какое твое дело, страстно хотелось ответить ему, но Никита промолчал. Кристина в окружении его сестры появилась не так давно, всего несколько месяцев назад, но стала постоянной гостьей. И каждый раз настолько недвусмысленно к нему клеилась, что даже Никите становилось неловко. Девушка была довольно симпатичной, и, не будь она подругой его сестры, Никита определенно обратил бы на нее внимание, но у него хватало мозгов не заводить романы с Дашиными приятельницами. Ни одни его отношения не длились больше года, а чаще всего заканчивались через три-четыре месяца, и ругаться с сестрой ради короткого романа ему не хотелось. А Даша определенно начала бы выяснять причины, чем его не устроила ее подруга.

– Работа, – коротко ответил он, почти не соврав.

Звонок Леши Лосева застал его в тот момент, когда он собирался домой, закончив все дела в университете. Завтра предстоял тяжелый день, на нескольких его зачетах собирались присутствовать проверяющие, и следовало подготовиться. К самим зачетам он всегда был готов, но этим неприятным людям наверняка захочется посмотреть на различные документы, и он хотел убедиться, что прикопаться им будет не к чему.

Лосев сказал, что у них появилось одно интересное дело и будет здорово, если Никита сможет посмотреть. И лучше завтра утром, чтобы не затягивать. Завтра утром Никита не мог, поэтому предложил сегодня, хоть и смотрел на часы и понимал, что судмедэксперт наверняка уже закончил смену и ушел домой. Но судмедэкспертом оказалась Лера, никогда в жизни не уходившая с работы вовремя, поэтому приехать ему разрешили.

О смерти Алины Девятовой Никита не слышал. Он и о том, кто такая Алина Девятова, знал лишь отдаленно. Он предпочитал несколько иную музыку, и Даша, воспитанная им практически с пеленок, переняла его вкусы. Музыка же этой группы была рассчитана на девочек и мальчиков от двенадцати до примерно двадцати лет, когда юные неокрепшие умы еще верят в большое светлое чувство, ради которого можно свернуть горы, разругаться с родителями и жить в палатке на склоне горы. Но песни дуэта «ДвАжды» доносились из каждого утюга, их порой слушали студентки младших курсов, поэтому совсем уж не знать о Девятовых Никита не мог.

О том, что в убийстве Алины подозревают ее мужа, Леша Никите сказал уже только после того, как они закончили, чтобы не портить эксперимент, а потому, стоя в морге и глядя на тело молодой прекрасной женщины, по самую шею укрытое простыней, Никита понятия не имел, что с ней случилось. Подозревал, что она была задушена, слишком уж красноречивые следы виднелись на ее шее, но подробностей не знал.

– Что вы хотите узнать? – поинтересовался он.

– Что происходило перед ее смертью, – отозвался Леша. – Сколько людей там было, как все произошло. Ну и вообще все, что можешь сказать.

Леша странно нервничал, и Никита насторожился. Приятель явно что-то недоговаривал, тем не менее, отказываться он не стал. Подошел к каталке и аккуратно высвободил из-под простыни левую руку девушки. Обхватил ее ладонь, посмотрел на лицо. Глаза Алины, были, конечно, закрыты, но он сразу почувствовал, что при жизни они были насыщенно-зеленого цвета, а потому представить их смог легко. Нырнул в болотную глубину, стремительно достигая дна. Свет пропал, зато проснулись слух, обоняние и осязание.

Кто-то громко кричал, но слов было не разобрать. Будто он находился в той же квартире, что и Алина, но в соседней комнате, а Алина и сама издавала достаточно шума. Она молчала, но хлопали дверцы шкафов, шуршала одежда, падали на пол вешалки. Похоже, девушка собирала вещи.

– Ты куда собралась? – донеслось так четко и так близко, что не только Никита, но и Алина вздрогнула от неожиданности.

– Пошел вон! – ответила она.

До носа донесся тяжелый аромат мужского парфюма.

– У нас гастроли, ты забыла?

– Я никуда не поеду.

Плечо ударилось о дверной косяк, а руки потащили что-то тяжелое, загромыхали по паркету колесики чемодана. Мужская рука грубо схватила ее за предплечье, разворачивая.

– С ума сошла?

Алина вырвала руку и ускорила шаг, но чемодан зацепился за что-то и никак не желал выезжать из комнаты. Девушка дергала его, злилась и психовала. Чемодан наконец освободился, Алина побежала, но мужчина, очевидно, ее догнал. Сильный толчок в спину, пальцы выпустили ручку чемодана, Алина подалась вперед и упала, не удержав равновесие. Заболели колени, ладони и локти.

– Ты больной? – закричала она, но развернуться не успела: сильные руки – другие, не те, что трогали ее чуть раньше, – схватили за плечи, рывком подняли вверх. Что-то острое, будто ногти или даже когти, впилось в кожу в районе ключиц.

– Антон! – взвыла Алина от боли, и в голосе ее прорезалась паника напополам с надеждой. Будто она звала его на помощь, а не просила остановиться.

Дальше началось что-то непонятное. Мир вокруг затянуло в воронку, все вокруг закружилось, верх и низ постоянно менялись местами. Никита – а точнее, Алина в его лице – не чувствовал боли, по-прежнему ничего не видел и совершенно не понимал, что происходит. Он

слышал странные звуки, будто где-то рвалась то ли ткань, то ли бумага, то ли и то, и другое. Что-то скрежетало, звенело и вибрировало.

А потом все закончилось. Резко, как и началось. Но не успел Никита выдохнуть, как что-то металлическое, похожее на кулон, скользнуло по груди вверх, закрутило шею тугой петлей. Стало нечем дышать. Алина царапала ногтями кожу, пытаясь поддеть удавку, но ничего не выходило. Воздуха не хватало, паника накрывала ее со скоростью снежной лавины, а когти продолжали впиваться в кожу. И все это теперь происходило в полной тишине. Единственным желанием Алины был глоток воздуха, но прежде, чем она потеряла сознание, она уже поняла, что желанию этому не суждено сбыться.

Никита отпустил ее руку и быстро сделал шаг назад, пытаясь отдышаться. Будто это его только что держали крепкие когтистые руки и душили, будто его мир переворачивался с ног на голову, теряя опору. Заглядывая в последние минуты жизни людей, он всегда чувствовал то, что чувствовали они, и, если смерть их была мучительной, его ощущения были лишь каплю слабее.

– Все нормально?

Чужая рука коснулась его плеча, и он едва сдержал желание сбросить ее, до того были ярки ощущения Алины. Это всего лишь Лера, она волнуется. Никита кивнул, и оба – Лера и Леша – послушно дали ему еще минуту прийти в себя.

– Что же там, черт возьми, происходило? – наконец осторожно спросил Леша, уставший от молчания.

Никита понял, что его время закончилось. Открыл глаза, посмотрел на лежащую перед ним девушку. Все, что слышит и чувствует во время подобных сеансов, он озвучивал по ходу, поэтому сейчас не было необходимости повторять, Лера и Леша все слышали.

– Возможно, это были всего лишь галлюцинации Алины от нехватки воздуха, – предположил он, отмечая, что голос звучит обычно, без хриплого налета, как если бы его на самом деле душили. – Я ведь не знаю, что происходило там по-настоящему, я лишь чувствую то, что чувствовала она, а ее ощущения могли быть ошибочны.

Лера и Леша странно переглянулись, а затем последний вытащил из кармана мобильный, вывел на экран фотографию и протянул ему телефон. Никита осторожно взял его, посмотрел на снимок. Похоже, ощущения Алины не были вызваны кислородным голоданием. Разгром в квартире очень походил на то, что он слышал.

– У меня нет объяснений, – признался Никита, возвращая телефон. – Единственное, что я знаю наверняка, это то, что в квартире был кто-то третий. Кто-то странный третий.

– Почему странный? – насторожилась Лера, и Никита услышал в ее вопросе невысказанное продолжение. Она точно что-то знает.

– Сложно объяснить. Пальцы тонкие, словно женские, и ногти длинные. Но сила не то что мужская, а скорее нечеловеческая. Он схватила Алину, когда та лежала на полу, и поднял так быстро, будто та ничего не весила. Да и потом Алина вырывалась, но пальцы, казалось, даже не сжимались сильнее, как обычно происходит, когда один вырывается, а второй пытается удержать. И тем не менее, Алина не смогла освободиться.

– А кто ее душил? – спросил Леша. – Антон или тот, второй?

– Понятия не имею. Ее душил кулон на цепочке, а кто его держал, не знаю.

– Эх, – Леша вздохнул. – И даже если мы его найдем, отпечатки пальцев с тонкой цепочки не снимешь.

– Но на ней может быть ДНК, – заметила Лера. – Найти преступника вам это не поможет, но доказать, что он держал цепочку, когда найдете ее, – да.

– А цепочку не нашли? – удивился Никита. Ему казалось логичным, что подобное орудие убийства должно остаться на жертве.

– Увы, – Леша развел руками. – Рядом с трупом ничего не было, а в целом украшений в доме много. Сейчас Лерка нам по следам опишет искомое, и будем просматривать.

– Если вам это поможет, то кулон был на ней до убийства, его не набрасывали сверху.

– Кстати, взгляни еще кое на что, – предложила Лера, отворачивая простыню на теле Алины.

Никита подошел ближе, сразу замечая темные полосы на плечах девушки. Остановился в изголовье каталки, приложил руки к следам, не касаясь кожи.

– Да, это следы того, кто ее держал.

– А что ты скажешь на это?

Теперь уже Лера вытащила мобильный телефон, быстро, не прицеливаясь, сфотографировала тело и протянула Никите. Тот взял телефон осторожно. Неясное ощущение словно шептало на ухо, что он увидит что-то страшное. Страшнее того, что было на снимках Леши. Все тело Алины покрывали темные пятна, похожие на те, что он видел на плечах. Но даже не это пугало его сильнее всего, а что, он не мог понять. Нужно остаться наедине с собой, разобраться в ворохе ощущений, отбросить все ненужное, чужеродное, и может быть, тогда он поймет.

– Что это? – глухо спросил он. Не удивленно, он не был удивлен. Его почему-то подташнивало, но эти ощущения тоже лежали за гранью осознания.

– Мы надеялись, ты нам скажешь, – заметил Леша. – Следы видны только на камере, вживую мы тут под лупой рассматривали, ничего не увидели.

– Более того, следов крови нет ни на видимых, ни на невидимых пятнах, – добавила Лера.

Две пары глаз пытливо сверлили его, ожидая, что он что-то скажет, но Никита молчал. Он понятия не имел, что это, но почему-то казалось, что должен знать.

– Похоже, тот, кто держал ее перед смертью, уже касался ее раньше, – наконец выдавил он. – Следы постепенно сходят с кожи, как настоящие синяки, но оставляют ментальный след, видимый на фотографии.

– Как такое возможно? – мрачно поинтересовался Леша.

– Фотопленка более чувствительна. Есть данные, что часто на пленку удавалось заснять то, что не видел глаз. Например, призраков. Очевидно, цифровые фотоаппараты, в том числе камеры в мобильных телефонах, тоже более чувствительны к подобным вещам.

– Ты хочешь сказать, – осторожно начала Лера, – что Алину держало нечто сверхъестественное?

– Или так, или у нее какое-то редкое заболевание, при котором кожа ведет себя подобным образом.

Леша и Лера переглянулись, и Никита видел, что оба хотят верить во второй вариант, но понимают, что первый более вероятен. Потому что нет такого заболевания. И сложно даже представить, как именно физический недуг может менять информационное поле вокруг.

– Давайте так, – наконец решил Леша. – Лера считает, что это заболевание, возможно, пока неизвестное науке, и ищет любые упоминание о подобных вещах в медицинской литературе, а Никита считает эти следы воздействием чего-то сверхъестественного, и отрабатывает эту версию.

Теперь две пары глаз уставились уже на Лешу.

– Смею напомнить, что я всего лишь судебный медик, – первой отозвалась Лера. – И в мою задачу входит сделать вскрытие и определить причину смерти.

– А я вообще у вас не работаю, – согласился с ней Никита.

Но Лешу не так-то просто было смутить.

– В процессе вскрытия ты обнаружила странные следы, – сказал он Лере, – и твоя задача в том числе определить их природу. – Он повернулся к Никите. – А насчет тебя я со следователем договорюсь. Дело ведет Воронов, а он после той истории с зомби к тебе расположен.

Никита вовсе не был уверен в расположении следователя к собственной персоне, но отказываться не стал. Странные следы его заинтриговали, а собственные ощущения напугали, поэтому он был не против влиться в расследование.

Всего этого он, конечно, не рассказал Кристине.

– Это радует, а то, если бы ты был у девушки, я бы чувствовала себя неловко, – томно улыбнулась та в ответ на его краткие слова о работе. – А так у меня еще есть надежда.

Если бы не ее бесстыжий взгляд и откровенные позы, Никита постарался бы как можно тактичнее ответить, что рассчитывать ей не на что. Ну влюбилась двадцатилетняя девушка в брата своей подруги, так бывает, и следует щадить девичьи чувства, но Никита понимал, что ни о какой любви речи не идет и щадить тут нечего. Ей просто хочется его соблазнить, ведь он лет на восемь-девять старше, в возрасте Кристины такой спортивный интерес не вызывает симпатий, но понятен.

– Увы, – развел руками он, стараясь, чтобы ни жест, ни тон голоса даже отдаленно не походил на флирт, – на этот вечер у меня все еще запланирована работа.

Подхватив кофейную чашку за крохотное ушко, он вышел из кухни, кожей чувствуя взгляд Кристины на своем затылке. Оставалось надеяться, что у нее не хватит наглости остаться ночевать и ему не придется лицезреть ее еще и утром. Собственные ощущения, походившие на легкий флер воспоминаний, занимали его сейчас куда больше всех девушек мира.

Где-то когда-то он уже видел такие следы, какие остались на теле Алины Девятовой.

Глава 4

О смерти Алины Саша, как это ни странно, узнал вчера от Яны. День у него выдался суматошным, народ на вверенном ему участке будто с ума сошел. То пьяные драки, то скандалы, то угоны, то дети цветы на клумбе топчут, а те, между прочим, только начали всходить, еще не окрепли. В рабочий кабинет он ввалился примерно через сорок минут после окончания обеда, так и не пообедав, а ведь еще следовало навести кое-какие справки по просьбе Алины.

Тогда-то и раздался телефонный звонок, а на экране высветилось имя Яны. Девчонка ему нравилась, с ней было о чем поговорить, и она определенно не походила на тех дамочек, с кем он привык проводить ночь и потом никогда не звонить. Но именно сейчас возникла позорная мысль не брать трубку, сославшись потом на занятость. Впрочем, тут же одернул он себя, Яна прекрасно понимает специфику его работы, у самой отец бывший следователь, поэтому, если он скажет, что занят и не сможет провести с ней вечер, она не обидится. Ведь не обижалась же раньше, когда он действительно бывал занят.

– Привет, красавица! – весело отозвался он в трубку. – Уже соскучилась по мне?

Однако Янин голос звучал серьезно, казалось, она даже не заметила флирта и не собиралась его поддерживать.

– Саш, это правда про Алину? – спросила она.

– Что именно? – насторожился Саша.

– Что ее убили.

Он едва не выронил телефон. Выпрямился в кресле, бестолково взглянул на выключенный компьютер. У него сегодня не было времени ни в соцсети заглянуть, ни даже новости в машине послушать.

– Не знаю, – медленно произнес он. – А что, есть такие слухи?

– Народ в универе говорит, а только что и по новостям передали.

– Так, – он потер переносицу, стараясь унять начинающуюся головную боль. – Давай я сейчас попробую узнать и перезвоню тебе, ладно?

Еще до того, как Яна успела ответить, в трубке раздался сигнал, возвещающий, что кто-то еще жаждет его внимания. Отключив звонок Яны, Саша взглянул на дисплей и нервно сглотнул.

Воронов.

Человек с такой фамилией в его телефонной книжке был всего один. Следователь Петр Михайлович Воронов, с которым перед самым Новым годом Саше удалось поработать на добровольных началах. И если он звонит сейчас, когда пришли тревожные новости от Яны, к гадалке не ходи, понятно зачем. Черт, но как они на него-то вышли?

– Слушаю, – по-деловому ответил он, будто не узнал абонента.

– Александр Николаич? Воронов беспокоит, помнишь такого?

– Конечно, помню, Петр Михайлович! Какими судьбами? Снова в поисках маньяка подсобить надо?

Следователь хмыкнул.

– Это уж как посмотреть. Алину Девятову знаешь?

– Приходилось встречаться, – обтекаемо ответил Саша, все еще пытаясь понять, что именно известно следователю. И вроде не делал ничего противозаконного, а все равно волнительно. Начальство за такое самостоятельное расследование по головке не погладит, но и не уволит.

– А то, что убили ее, слышал?

– Вот буквально перед вашим звонком сообщили.

– Кто?

– Яна Васильева, если помните. А в связи с чем интерес ко мне, Петр Михайлович? – наконец не выдержал Саша.

Воронов некоторое время молчал, чем только усилил волнение.

– Пальчики твои в ее доме нашли. Чуешь, чем пахнет?

– Проблемами, полагаю, – честно ответил Саша. – Но я все могу объяснить.

– Вот завтра в девять утра и объяснишь, – усмехнулся следователь. – И не опаздывай.

Последнее было даже лишним, поскольку Саша никогда и никуда не опаздывал. Привычку приходить вовремя привил ему отец – крупный бизнесмен, владелец огромной фирмы по пошиву одежды «Модный Дом Сатинова».

– Опаздывая, ты заставляешь своего собеседника ждать, а значит, ставишь себя выше него, выказываешь неуважение. Это сразу минус балл тебе в его глазах, – говорил он.

Вот Саша и приучился не опаздывать, поэтому сегодня без пяти девять он уже входил в здание городского Следственного комитета, где на втором этаже находился кабинет Воронова.

– Входи, – разрешил следователь.

Выглядел он не очень. И без того болезненно худой, сегодня он казался совсем разбитым: всклоченные седые волосы, синяки под глазами, опущенные уголки губ. Саша не страдал скромностью, но спрашивать, что случилось, не стал. Он ведь здесь для допроса, а не в гостях, такие отношения не предполагают фамильярности.

Воронов сказал сам.

– Голова со вчерашнего вечера болит так, что на свет смотреть больно, – пожаловался он, наливая из старомодного графина воду в высокий стакан. – Жена уже все обезболивающие перебрала, ничего не помогает. И на больничный не пойдешь, с дерьмом съедят за такое. Долбаное убийство Девятовой!

Саша молча открыл сумку, вытащил оттуда флакон и протянул Воронову.

– Попробуйте. Мне сестра из США привезла, сам мигренями порой страдаю.

Воронов взял флакон, подозрительно повертел в руках, рассматривая надписи.

– Из США? У нас не продают?

– У нас много чего не продают, – развел руками Саша.

Очевидно, следователю было совсем плохо, поскольку больше вопросов он задавать не стал, вытряхнул на ладонь одну таблетку, запил водой.

– Ладно, рассказывай, откуда в квартире Девятовой твои отпечатки, – велел он, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза.

– Неделю назад моя сестра попросила помочь ее подруге, – честно начал Саша. Ночью, лежа без сна в своей кровати и поглаживая Макса, который, конечно же, приперся под бок, он решил, что Воронову лучше все рассказать правдиво. Следователь казался ему адекватным дядькой, может, удастся договориться, чтобы не вносил лишнего в протокол. А вот если поймает на вранье, точно не поздоровится. – Дескать, подруга эта подозревает своего мужа в наличии любовницы и хочет знать наверняка. И подругой этой была Алина Девятова.

– Любовницы, значит, – хмыкнул следователь, не открывая глаз. – Значит, все эти песенки про великую любовь – сплошной обман?

– Увы, – развел руками Саша. – Но для этого Алина и просила помочь. Не просто чтобы глаза сопернице выцарапать, а подготовиться как-то, ведь, если правда всплывет, конец репутации дуэта.

– Ну да, ну да. И что ты нашел?

– Да почти ничего. Антон Девятов, в «девичестве», кстати, Жемчужный, после свадьбы взял фамилию жены, тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, до Алины Девятовой уже был женат. Бывшая жена Анна проживает в Солнцево – это бывший поселок рядом с городом. От первого брака есть сын пяти лет, Семен. Существование ребенка, как и первой жены, тщательно скрывается, иначе, как вы понимаете, развеется образ любви до гроба. Хотя

вроде и нет в этом ничего такого, ну залетела девка от него, женился, через год развелся, это никак не мешает сейчас любить Алину, но все равно уже не то. Лишний повод для сплетен. Вот мол, бросил женщину с младенцем, а Семену на тот момент четыре месяца было. С Алиной они официально женаты три года. Что самое интересное: первый год брака любовницы у Антона как раз были, я двух установил, но, как пошла в гору их карьера, он с этим завязал.

– Или научился тщательно скрываться, – прокомментировал следователь, – раз уж у Алины возникли подозрения. Наработками поделишься с коллегами? Фотки там, имена.

Саша тут же снова полез в сумку, вытаскивая из нее объемную папку.

– Я все принес, даже распечатал вам то, что было в телефоне.

Следователь наконец приоткрыл глаза и с удивлением и одобрением одновременно посмотрел на него.

– А ты мне нравишься все больше, – похвалил он.

– А если я вам нравлюсь, вы ж не будете моему начальству стучать? – нагло поинтересовался Саша. – Сами понимаете, я хоть и делал все это в нерабочее время, но за частное расследование все равно по головке не погладят.

Воронов, не меняя позы, чтобы не провоцировать головную боль, подтянул к себе папку, быстро заглянул в нее, оценивая содержимое, будто Саша ему взятку принес и он теперь прикидывает, хватит ли этой суммы за услугу молчания.

– Хитер ты, Александр Николаич, – наконец выдал он. – А служебным положением небось пользовался? Связи свои поднимал для сбора информации, корочку показывал?..

– Поднимал и показывал, – не стал отпираться Саша. Да и толку тут возражать, и так же понятно, что пользовался. Потому что любой на его месте пользовался бы, и Воронов в том числе.

Следователь снова немного подумал, а затем произнес:

– Ладно, привлеку тебя к делу официально, чтоб у твоего начальства вопросов не возникло. Подумаю, как это все лучше обставить. Так что не переживай. Хотя, – после некоторой паузы добавил он, – вообще не понимаю, с чего тебе переживать. По миру ты не пойдешь, оставшись без работы.

– А может, она мне нравится и я не хочу ее терять?

– Да кто тебя уволит-то? Кадров и без того не хватает, чтобы ими разбрасываться. Премии лишат, выговор дадут, и то вряд ли с занесением в личное дело. Ладно, боишься – не бойся. Но папочку я реквизирую. Слушай, – Воронов вдруг выпрямился в кресле, повертел головой в разные стороны и уставился на Сашу, – а мигрень-то прошла!

– Вот и здорово! – обрадовался тот. – Оставить вам еще таблетку на всякий случай?

– Эк ты подлиза, – хмыкнул следователь, самостоятельно выковыривая из флакона еще две таблетки.

Из Следственного комитета Саша вышел примерно через час, когда подробно рассказал следователю о своих поисках, подписал каждую фотографию и объяснил каждую запись. Зато был горд не только тем, что помог следствию, но и тем, что его снова обещали привлечь к расследованию. Все разнообразие. Может, ему все-таки на самом деле в следователи пойти? Или хотя бы в оперативники? Чего с этими профилактическими беседами с пьяницами и дебоширами прозябать?

* * *

Вопреки своим принципам, зачет по Уголовному праву Яна пошла сдавать последней. Тему она знала хорошо, билет достался проще простого, поэтому она могла бы пойти хоть первой, не готовясь, но ждала специально. Ей очень нужно было поговорить с преподавателем наедине, и, где это сделать, кроме как в аудитории после зачета, она не представляла. Не вылав-

ливать же его в темном закоулке университетских коридоров. На самом деле у нее и телефон его был, но за четыре месяца с тех пор, как он у нее появился, она ни разу по нему не звонила, и поэтому сейчас было как-то неловко. Яна всегда предпочитала решать важные дела лично, видя выражение лица собеседника, а не по безликому аппарату.

Наконец последний студент, радостно сжимая в руке зачетку, покинул аудиторию, и Яна подошла к преподавательскому столу. Никита Андреевич с удивлением окинул взглядом аудиторию, убеждаясь, что подсчеты его не подвели, и Яна на самом деле последняя. И еще больше удивления на его лице появилось после того, как она четко оттарабанила тему и даже с легкостью ответила на дополнительные вопросы.

– Можно поинтересоваться, с чего вдруг вы решили сдавать зачет последней, если так хорошо все знаете? – не удержался он, ставя в зачетку заслуженное «зачтено».

– Мне просто очень нужно кое-что у вас спросить, – честно ответила Яна.

По губам преподавателя скользнула улыбка: наверняка он догадался, о чем именно она хочет спросить.

– Спросить или напроситься? – поинтересовался он, протягивая ей зачетку.

Яна смело выдержала его взгляд.

– Ну, может, и напроситься, – не стала отнекиваться она. – Саша Сатинов мне сказал, что вас привлекли к убийству Алины Девятовой. Может быть, вам пригодится помощница?

– А что, помощнице снова снятся странные сны про убийства?

– Увы, – Яна развела руками, – но ведь помощница была вам полезна не только своими снами, не так ли?

Яне вдруг пришло в голову, что и слова, и интонации их подозрительно похожи на флирт, и краска стремительно залила ее лицо. От природы белокожая и беловолосая, она краснела очень быстро и очень явно. Никита Андреевич это, конечно, заметил, оставалось надеяться, что списал на опасения отказа.

– А потом едва не самоубилась, – напомнил он уже строже. – Так что вынужден вам отказать, не хочу снова рисковать вашей жизнью.

– Никита Андреевич, это нечестно! – не сдержалась Яна. – Я ведь вас спасала! И если уж на то пошло, вы мой должник.

– Разве я не расплатился обедом?

– За спасенную жизнь? Но так и быть, я согласна взять участием в расследовании.

Кремнев вздохнул. Принялся неторопливо собирать в портфель лежащие в идеальном порядке на столе папки, и Яна не понимала, он так дает ей понять, что не примет помощь, или сам с собой борется? В любом случае, уходить, пока ей не укажут на дверь, она не собиралась.

– Кажется, мы договаривались наедине общаться без отчеств, – заметил он, и Яна тихонько перевела дыхание. Неужели согласился?

– Мы договаривались общаться без отчеств вне стен университета, – поправила она, – а сейчас мы внутри. И еще, кстати, на «ты» переходили, а вы мне сейчас все равно выкаете. Не могу же я первой отойти от общепринятых правил.

Никита защелкнул замок на портфеле и поднялся из-за стола.

– Сегодня вечером мы с Лосевым идем смотреть записи с видеокамер, установленных в подъезде Девятовой. – А до этого у меня будет немного времени посвятить тебя в детали. В пять вечера в кафе «Корица» в центре сможешь быть?

Яна едва не бросилась ему на шею, но решила, что это будет уже слишком. Даже если бы у нее были какие-то дела этим вечером, она бы, не задумываясь, их отменила.

– Безусловно.

– Вот и отлично, тогда жду.

Он вышел из аудитории, и Яна не удержалась от счастливого пируэта. Впереди были еще две лекции, поэтому следовало поторопиться в столовую, иначе она рисковала остаться без

обеда и явиться в кафе голодной как волк, а финансовые запасы напоминали, что она себе этого позволить не может.

Она уже почти доела, когда на стол прямо перед ее лицом легла рука с длинными загорелыми пальцами, оканчивающимися еще более длинными острыми ногтями, покрытыми черным лаком. Яна вздрогнула от неожиданности, подняла голову, с удивлением обнаруживая рядом со столиком однокурсницу Эвелину Котову.

– Привет, – выдавила Эвелина и даже попробовала растянуть губы в улыбке, но ей это так и не удалось. – Можно я сяду?

Яна молча кивнула, стараясь справиться с изумлением. Кажется, это был первый раз, когда Эвелина не просто попросила разрешения присесть за один столик, а вообще обратилась к ней напрямую. Нет, они не враждовали, и общение их сводилось к нулю вовсе не из-за Яны, а из-за самой Эвелины. Однокурсница всегда была демонстративной одиночкой. На лекциях садилась подальше ото всех, почти никогда ни с кем не здоровалась, не ходила на студенческие вечеринки и вообще всячески демонстрировала, что ей с однокурсниками не по пути. Одевалась она всегда в черную одежду, даже в самую сильную жару ходила в ботинках на толстой подошве. Длинные черные волосы никогда не знали заколки, свободно струились по спине, в макияже девушка тоже предпочитала темные цвета: большие черные стрелки, густо накрашенные ресницы, темно-бордовая матовая помада на губах. Единственным, что выбивалось из этого мрачно-черного образа, был большой кулон на груди с кроваво-красным камнем. Наверняка стекляшкой, потому что, если бы это был настоящий рубин, цена ему была бы запредельная. Такие украшения следовало бы хранить в банковской ячейке, а не таскать на лекции в университет. Что самое удивительное: и преподаватели, и студенты прощали Эвелине такую экстравагантную внешность и надменное поведение. Никто не пытался ее задеть, не дергал лишний раз. Будто опасались чего-то. Чего именно, Яна сформулировать не могла, но и сама старалась держаться от однокурсницы подальше и лишний раз не обращать на себя ее внимание.

Яна мельком оглянулась, чтобы убедиться, что в столовой много пустых столиков, а значит, Эвелине что-то нужно конкретно от нее, она не ищет, где присесть. Подноса с едой у нее не было, только одинокая чашка кофе в руке.

Эвелина не торопилась рассказывать, зачем села с ней за один столик. Сделала несколько небольших глотков, будто боялась обжечься, посмотрела на темную жидкость в чашке. Яна тоже молчала, хотя ей уже кусок в горло не лез. Нет, она не боялась Эвелину, просто не знала, как себя вести. Яне всегда не хватало непосредственности, она это прекрасно знала.

– У меня к тебе дело, – наконец сказала Эвелина.

– Какое? – едва сдерживая вздох облегчения, спросила Яна.

– Ты ведь, наверное, в курсе, что я не сдала зачет Кремневу.

– Честно говоря, я не слежу за тобой.

Эвелина недоверчиво хмыкнула, хотя Яна сказала чистую правду. По крайней мере, сегодня она была слишком сосредоточена на предстоящем разговоре с Никитой, чтобы смотреть, кто там из одногруппников провалился на зачете.

– Так вот, я его не сдала, – повторила Эвелина. Она говорила спокойно, в некотором роде даже надменно.

– А что ты от меня-то хочешь? – не поняла Яна.

– Говорят, ты с Кремневым хорошо общаешься. Замолви за меня словечко, и я в долгу не останусь. – Эвелина говорила все так же спокойно и ровно, будто не просила даже, а просто предлагала взаимовыгодную сделку. Впрочем, как-то так ее предложение и звучало.

– Во-первых, никак я с ним не общаюсь, – выпалила Яна, чувствуя, что щеки снова заливает предательский румянец. Черт побери, почему волосы можно покрасить в темный цвет, даже ресницы и брови можно, а вот с проклятой прозрачной кожей ничего не сделать!

Насколько ей было бы легче жить, если бы внешностью она пошла в брюнета-отца. – А во-вторых, ты не пробовала просто подготовиться к зачету?

– У меня на это сейчас нет времени, – с прежним выражением ответила Эвелина. – Я прохожу курсы обучению приворотов и отворотов, все силы сейчас уходят на это.

Яна порадовалась, что не успела набрать в рот кофе, а то непременно подавилась бы. Она подозревала, что внешность Эвелины связана с ее увлечением магией или чем-то подобным, но не думала, что та станет так открыто об этом говорить.

– Вот я и подумала, что кто-кто, а Кремнев может меня понять и простить мне этот зачет, особенно если словечко за меня замолвишь ты.

– Почему это? – искренне удивилась Яна.

– Ну, он ведь сам экстрасенс. И ты, говорят, тоже.

– Я?

– Тебе же снились вещие сны по тем убийствам, где маньяк похищал у жертв сердца.

Яна пораженно молчала.

– Откуда ты знаешь? – наконец выдавила она.

Конечно, секретом это не было, и все, кто занимался теми убийствами, были в курсе участия ее и Никиты Кремнева и их роли в расследовании. Но вот откуда об этом знают студенты? Даже с Олькой, соседкой по комнате, Яна сильно не откровенничала. Рассказала лишь минимально необходимое и тем более не упоминала свои сны.

– Слухами земля полнится, – загадочно улыбнулась однокурсница. – Так что, поможешь? А я за это с тебя порчу сниму, уж это я умею, дар от бабки достался.

Если бы Яна так напряженно не размышляла о том, откуда Эвелина узнала такие подробности, она бы наверняка улыбнулась, услышав про порчу, но сейчас лишь снова спросила:

– Какую еще порчу?

– На тебе которая. Ты что, разве не чувствуешь?

– Ничего я не чувствую! Нет на мне никакой порчи. И тему тебе придется все-таки выучить. Или ты собираешься работать юристом по защите приворотов?

Эвелина, очевидно, поняла, что договориться не удастся. Высокомерно улыбнулась, поставила на стол чашку с недопитым кофе и медленно поднялась.

– Ну смотри, – в ее голосе прорезалась угроза, – ко мне потом не приходи. Как поймешь, что за порча, поздно будет. Времени у тебя три дня, до пересдачи. Не надумаешь, я потом помогать не стану.

Выпалив это, Эвелина неторопливо направилась к выходу, оставив пораженную Яну одну. Та ни на секунду не поверила в порчу, понимала, что девушка сказала это из вредности, но внутри все равно разливалось неприятное чувство: еще никто никогда не пытался использовать ее знакомство с Кремневым в своих целях. А полчаса назад она наверняка подписалась на новую волну сплетен об их отношениях.

* * *

Несмотря на то, что уже несколько лет с разной периодичностью помогал Леше Лосеву в расследованиях преступлений, Никита еще ни разу не был в его кабинете и теперь был приятно удивлен. Еще немного, и это место вполне дотянуло бы до тех, что показывают в зарубежных фильмах.

Кабинет оказался просторным, светлым, с огромным окном в полстены и выкрашенными в светлый цвет стенами. Леша делил его еще с тремя полицейскими, но четыре стола стояли таким образом, что, даже если у каждого из оперов будет посетитель, они все равно смогут не мешать друг другу. На столах стояли современные компьютеры с плоским экраном, на большой общей полке в углу красовалась дорогая кофемашина. В последний раз в подобном месте

Никита был больше двадцати лет назад, когда еще мальчишкой приходил на работу к отцу, и в его воспоминаниях все было иначе: тесные казенные кабинеты, где опера сидели друг у друга на головах, шкафы с перекошенными дверцами, один компьютер на весь отдел, для работы на котором нужно было записываться заранее.

В кабинете находился всего один полицейский, но и он, поприветствовав Лосева, снова уткнулся в монитор. Леша подвинул Никите второй стул и сунул в компьютер флешку. Пока возился с программами для просмотра видеозаписей, спросил:

– Ты ничего не нашел по этим странным пятнам на теле Алины?

– Когда? – возмутился Никита. – У меня сегодня весь день зачеты были.

– Ну…

– По ночам я сплю.

– А мне сорока на хвосте принесла, что ты сегодня два часа в кафе с барышней сидел, – не сдавался Леша.

– Во-первых, как я трачу свое личное время, никого не должно касаться, – педантично начал Никита, – а во-вторых, если уж на то пошло, то как раз для тебя я два часа с барышней и сидел.

– Не понял.

– Это была Яна Васильева, помнишь такую?

– Яну фиг забудешь, – хмыкнул Леша. – Крутишь романы со студентками, Кремнев? Ай-ай-ай.

Но Никита и бровью не повел.

– Я же сказал: для тебя сидел. Яна вызвалась помогать, поэтому вводил ее в курс дела, и как раз сейчас именно она ищет информацию по твоим следам. Еще подначки?

Леша примирительно вскинул руки и вернулся к компьютеру.

– Нам отдали все записи за день убийства, – пояснил он, – а камеры стоят в обоих лифтах, на площадке первого этажа и на улице над парадной дверью подъезда. Итого четыре штуки. Будем смотреть входящих людей, на какой этаж они поднялись, и записывать время, чтобы потом не пересматривать все заново. Затем кадры с людьми покажем консьержам, обычно жильцов и частых гостей они знают в лицо. Может быть, они узнают кого-то, кто в тот день приходил к Девятовым.

– Или же мы найдем неизвестного или неизвестную, – добавил Никита, – который вышел на том же этаже.

– Это плохой вариант, не будем пока о нем думать, – отмахнулся Леша.

Начать решили с камеры первого этажа за два часа до предполагаемого убийства, рассудив, что едва ли кто-то мог прийти к Девятовым раньше шести утра. Каждого человека, вошедшего в подъезд, затем отслеживали по лифтам, но ни один из них не останавливался на третьем этаже, где жили Девятовы. На всякий случай Леша и Никита записывали время появления каждого и этаж, где он вышел, чтобы, если не узнает консьерж, сделать поквартирный обход и выяснить, к кому приходил человек. Они допускали, что этот третий в квартире Девятовых не стал выходить на третьем этаже, а вышел раньше или позже и добрался до квартиры по лестнице. Судя по тому, что почувствовал Никита, убийство не было спланировано, но не следовало исключать и такой вариант.

– Не дом, а проходной двор, – прокомментировал Леша, записывая время появления очередного гостя в блокнот.

– Двадцать два этажа, что ты хочешь, – вздохнул Никита. – Кстати, у вас тут кофе наливают?

– У нас самообслуживание, – хохотнул Леша. – С кофемашиной справишься? Чашки в шкафу, бери любую, кроме красной в горошек. Это Вадика, он к вещам ревностно относится.

Никита подошел к полке с кофемашиной, открыл дверцы навесного шкафа. Чашек было много, все они оказались такими разными и стояли в таком беспорядке, что у него мгновенно зарябило в глазах. Выбрав первую попавшуюся и поставив ее под носик кофемашины, он быстро оглянулся, убедился, что и Леша, и второй полицейский заняты делами, и принялся осторожно расставлять чашки: каждую переворачивал вверх донышком, чтобы в них не скапливалась пыль, большие ставил у стены, средние – посередине, совсем маленькие с краю. Так будет видно каждую, не придется рыться в шкафу. Ну и ручки в одну сторону, чтобы было удобно брать правой рукой. Оставалось надеяться, что левшей в кабинете нет.

Если бы он этого не сделал, дурацкие чашки стояли бы у него перед глазами до самого вечера, отвлекая от работы. Эта черта характера появилась у него в то же время, что и экстрасенсорные способности, и мешала жить примерно так же. И если о своем даре он еще мог молчать, то не поправлять криво висящие и стоящие вещи не получалось.

Сделав две чашки кофе, Никита вернулся к компьютеру.

– Ну что у тебя?

– Да глухо, – вздохнул Леша, подтягивая к себе чашку с ароматным напитком. – Уже почти девять утра, Алина лежит в квартире мертвой, а на третьем этаже так никто и не останавливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.